



ВИТАЛИЙ  
БАШУН

ЗВЕЗДА  
КОНСТРУКТОРА

Звезда конструктора

Виталий Башун

**Звезда конструктора**

«ЭКСМО»

2012

**Башун В. М.**

Звезда конструктора / В. М. Башун — «Эксмо», 2012 — (Звезда конструктора)

ISBN 978-5-699-58754-4

Гаррад окончил училище магического конструирования далеко не блестяще, поэтому не мог претендовать на престижную и высокооплачиваемую должность. Особого выбора места работы у него не было, и парень устроился чинить старые артефакты в таком же старом королевском дворце, где доживал свой век бывший монарх, на склоне лет передавший власть сыну. Так бы и жил-поживал маг-конструктор, ремонтируя разные штуковины и посылая деньги домой, матери и младшей сестре, если бы подмастерье Аримил однажды не предложил ему спуститься в подземелья дворца. И началось такое, что не могло привидеться Гарраду ни в каком сне. О размеренной и спокойной жизни можно было забыть. А если ты стал объектом пристального внимания тайных служб, нужно держать ухо востро, не забывать о том, чему учили, и приобретать новые навыки. Иначе придется очень несладко...

ISBN 978-5-699-58754-4

© Башун В. М., 2012

© Эксмо, 2012

# Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	34
Глава 5	38
Глава 6	47
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58



# Виталий Башун

## Звезда конструктора

### Глава 1

#### Диплом

Букашка решительно и упорно стремилась вверх по длинной соломинке, торчащей из сыроватой земли. Членистые лапки уверенно перебирали гладкую поверхность бывшей травинки, поднимая тельце хозяйки к вершинам славы. По моим расчетам, достижение цели букашкой совпадало с началом моих действий, так как патруль стражи как раз к этому моменту достигнет перекрестка неподалеку и мои преследователи вот-вот появятся здесь, на небольшой площади, зажатой пятью старенькими трехэтажками на сваях. Не зря пришлось мне немного попетлять по улицам, чтобы заманить их именно на эту площадь, да к определенному времени.

Когда-то русло нашей речки Лабуры проходило ближе к городу, и постоянные наводнения весной определили именно такой стиль архитектуры. Я не застал те далекие времена, но матушка мне о них рассказывала... со слов своей матушки. Сваи теперь не имели никакого значения, да и со временем фактически вросли в землю, но небольшие зазоры, к радости окрестной ребятни, остались и позволяли превратить банальные «прятки» в увлекательную игру, где орки охотились на гоблинов, те – на эльфов, а последние в свою очередь – на людей. Засады, нападения, внезапный обстрел бузиной из трубочек репейника, имитирующих шарометы... визг, крики, иногда драки. А что с детей из не очень богатого, мягко говоря, района возьмешь? В свое время и я отдал должное подобным забавам. Чаще всего меня, правда, назначали гоблином. На орка я по габаритам не тянул, для эльфа – рылом не вышел... Так прямо мне мой давний друг Торик и заявил как-то. Мы чуть не поссорились. Он еще тогда удивился и сказал: «А для чего тогда нужны друзья, если не говорить правду, как есть?» Он был прав, и вроде как на друзей не обижаются, а я все равно обиделся и три недели принципиально не играл, пока однажды мамин клиент, гоблин Футаки, не доказал мне на примерах, что его раса совсем не тупые, косоглазые, зеленокожие и мелкие ублюдки, а очень даже разумные существа. Ничуть не хуже людей или тех же эльфов, мнящих себя пупами земли. У каждой расы, говорит, есть свои достоинства и недостатки. Глупый или недобрый замечает только плохое и громко кричит об этом. Не надо, говорил Футаки, принимать слова таких людей на веру. Лучше составить свое мнение. Футаки показался мне добрым и мудрым чело... гоблином, поэтому я очень быстро перестал предвзято относиться не только к иным расам, но и к людям, взяв за правило сначала разобраться и только потом принимать решение. Тем не менее по правилам игры люди в коалиции с орками воевали против эльфов и гоблинов, а давно потухшая старая вражда, впрочем, иногда вспыхивавшая с новой силой, определяла, словно маски классического театра, кто как должен действовать и, разумеется, кому положено оказаться победителем.

Протиснуться в пространство между крыльцом и землей было бы проблематично для людей покрупнее меня габаритами, но не с моим скелетообразным телосложением. Фыркать не надо – хорошее питание, поменьше работы, и я точно стану красавцем писаным. Может быть. Не пробовал. В смысле красавцем быть не пробовал. Так-то я росточка почти среднего, лицо обычное – неприметное, волосы, как и у большинства населения, русые, глаза... Глаза, согласен, немного подкачали. То ли серые, то ли карие, то ли зеленые – никто толком понять не может, а я и не пытаюсь.

Мне без разницы, каким цветом отсвечивать, на мир глядя, а уж тем более красиво это или нет, нравится девушкам или, наоборот, не очень. Да и какие девушки, когда надо учиться

и работать? Вставать с зарей, ложиться, когда уже мордой в книгу, словно пьяница в салат, и работать, работать, работать. А также учиться, учиться и учиться. Мать у меня, Гаррада, прачка и уборщица. Имеет круг постоянных клиентов, которые ее ценят за старательность, скорость и качество работы. Я и моя младшая сестренка Мелькира, соответственно, не сидим сложа руки, поглядывая, как мать из сил выбивается, чтобы нас накормить, одеть и выучить. Так что в деле стирки и уборки я стал неплохим профессионалом. Хотите, за полчаса в зале, набитом мебелью, порядок наведу до блеска? Скажете, только руками это сделать невозможно? И будете правы – без пары амулетов моей конструкции действительно не получится. Клиенты нас ценили и заказами не обделяли. Приходилось даже отказываться от некоторых, поскольку силы наши не бесконечны, хоть и не помешала бы лишняя медяшка в скудный семейный бюджет.

Работа, конечно, неквалифицированная, но профессии мать не имела, поскольку, пока был жив отец, работать нужды не было. Однако десять лет назад, сестренке тогда было всего два года, а мне – десять, в лаборатории отца произошел большой «Бум!». Развалины выгорели дотла, а мать оказалась одна с двумя малявками и совсем без средств. Все имущество отец заложил, чтобы закупить материалов для своих разработок. Он тогда обещал матери, что если у него получится – а у него непременно выйдет нечто, способное перевернуть мир магического конструирования, – то мы вернем свое положение в обществе и славу нашей семьи.

После смерти отца мы вынуждены были переехать в район попроще и в поте лица зарабатывать хлеб свой насущный. Мать и раньше не отличалась железным здоровьем, а теперь и вовсе расхворалась. Есть у меня подозрение, что ушла бы она вслед за отцом, уж очень она его любила, но меня и сеструху надо было растить, платить за школу, а потом за училище. Хотя я и поступил на учебу за счет фонда бургомистра, все равно деньги требовались на учебники и пособия, ингредиенты для лабораторных и курсовых артефактов, на мантию и библиотеку... да много еще на что. Короче, забот выше крыши. Несмотря ни на что, мама находила минутку приласкать нас, погладить, утешить, выслушать детские горести и обиды, дать совет. Спасибо ей огромное за все, за все.

– Гаррад! С-с-с-сыво-о-о-олочь!! Выходи! Я знаю, что ты здесь! Выходи, а то хуже будет!

Ну что я говорил? Тадир в компании своих неизменных дружков – Пекса и Стака – нарисовался на площади, как по заказу. Точно и в срок. Букашка как раз с победным видом осматривала окрестности с вершины соломинки, и патруль не опоздал. Эвон топают уже на подходе. Ну-с, господа студенты, приступим.

Я достал из-за пазухи дощечку с тремя пиктограммами-активаторами и провел по ним пальцем справа налево, последовательно вызывая на исполнение магеми. Первая пиктограмма подсветилась синим цветом, над ней, словно шарик на ниточке, всплыла красивая объемная фигура из силовых линий, представлявшая собой связанную последовательность (цепочку) исполнительных контуров, включенных в данную магему. Почему контуры, когда каждая элементарная структура на самом деле трехмерная, – не знаю. Так принято называть, а мне в работе это ничуть не мешает. Магема, по сути, контейнер и активатор контуров, выполняющихся по очереди один за другим в той последовательности, которую заложил маг-конструктор при создании амулета или артефакта.

Эту картинку я видел при лабораторных испытаниях. Чтобы увидеть сейчас, необходимо было бы рассматривать ее в состоянии магической концентрации и, соответственно, пропустить все события в реальности, что совершенно неприемлемо. Да и налюбуюсь потом. Если очень захочется. А это вряд ли. Не такая уж и сложная штука получилась – на практических занятиях делал и посложнее. Надоело выше крыши.

Первая магема, распознавания и наведения, по той самой ниточке наполнилась потребным количеством энергии из накопителя, встроенного в материал дощечки. Непрочно и ненадежно, согласен, но для одноразовой конструкции сойдет. Затем навел дощечку на цель – Тадира, благо их троица не представляла собой тесно сплоченного единства, – немного пово-

дил ее из стороны в сторону, чтобы магический щуп поймал заранее установленную мной специальную магическую метку примерно там, где располагается левый внутренний карман его куртки. Потому и пришлось лезть под дом – далеко щуп не протянешь.

Вторая и третья пиктограммы тоже выполнили свою работу. Понимаю, что можно было бы запустить все одной, но не было времени, да и желания, возиться.

Рассказывал я долго, но все прошло менее чем за секунду, а результат, к моему удовлетворению, получился ожидаемый.

Тадир всегда таскал с собой незаряженный наградной отцовский шаромет. Лет пять назад случилась небольшая заварушка с орками. Союзники-то они надежные, но в повседневности уж очень горячие парни, да и девушки их от парней не отстают. Кто-то что-то кому-то не так сказал, кто-то кому-то не туда локтем въехал. Люди вспомнили, что орки клыкастые и злые, а те, в свою очередь, припомнили предательство и лживость оппонентов. В общем – понеслась. Поцапались, подрались пару месяцев, да и утихомирились. Отец Тадира был на этой войне и даже отличился, за что и получил шаромет с дарственной надписью из рук самого графа Скольди. Ограничений на ношение оружия по возрасту, полу или общественному положению в нашем королевстве нет. Главное, чтобы оно не было заряжено и не применялось в черте города без разрешения градоправителя. Как Тадиру удалось уговорить отца дать ему шаромет поносить – темная история, но с начала четвертого курса он с ним не расставался. Разумеется, законы города не нарушал и таскал боевое оружие незаряженным. Иногда пугал им первокурсников и новых трактирных знакомых. На этом я и решил сыграть.

Магемы сработали идеально. Раздался шипящий хлопок, очень похожий на выстрел шаромета (прямо как настоящий), и через минуту, пока компания ошарашенно переглядывалась, на сцене появились новые актеры – патруль. Старшина стражи моментально приказал взять троицу на прицел, а сам достал амулет-определитель и удовлетворенно хмыкнул:

– А ну, молодой человек, доставай оружие. Ме-е-едленно. Двумя пальчиками. Одно неправильное движение – и ребята отстрелят тебе руку. Если попадут, конечно. Давненько не тренировались – могут вместо руки голову чисто случайно продырявить.

Тадир с круглыми от ужаса и удивления глазами, не дыша и не пу...зырясь, достал отцовский шаромет двумя пальчиками и осторожно, словно ядовитую змеюку, протянул его старшине.

– Ага. Значит, заряженное боевое оружие носим? Так-так.

– Как заряженное?! – взвизгнул Тадир. – Не может этого быть!!

– Сам смотри, – старшина издевательски сплюнул и сунул оружие под нос парню. – Ты считаешь, что я ничего не смыслю в оружии?! Это что? А? Я тебя спрашиваю! Что это?!

– У... уровень з-за-заряда, – от страха, что ему еще и оскорбление патруля при исполнении присобачат, Тадир начал всерьез заикаться.

– Вот именно. Уровень заряда. Почти полный. А что значит это почти? А?

– Н-н-н-не за-знаю...

– А я тебе скажу. А означает это, – старшина перешел на стиль дознавательского протокола, – что из представленного оружия, именуемого шаромет пехотный, был произведен несанкционированный в установленном порядке выстрел, о чем свидетельствует неполный заряд указанной единицы оружия, а также сигнал амулета-определителя, выданный старшине патруля городской стражи и поверенный подмастерьем мага-конструктора второй категории. Таким образом, деяние, совершенное задержанными лицами, подпадает под действие пункта третьего статьи пятнадцатой городского уложения о применении магического вооружения. Или пункта второго в случае причинения ущерба имуществу граждан. Или пункта первого в случае причинения ущерба здоровью граждан. Так что, парень, молись Творцу, чтобы жертв не было, иначе советую срочно освоить кайло и лопату – на каторге пригодится.

Эту сцену я наблюдал из-за угла дома, под которым только что лежал. Амулет, виновник переполоха, после исчерпания заряда рассыпался трухой и был надежно присыпан землей. Слабенький остаточный фон я на всякий случай затер, и теперь никаких улик, могущих свидетельствовать против меня, не осталось. Сразу скажу, Тадир отделается легким, или не очень, испугом, основательной взбучкой дома и уж точно лишится своей игрушки. Я кое-что добавил в магеми, и более углубленное освидетельствование оружия покажет, что заряд не более чем имитация боевого, а выстрел – просто хлопушка. Я ж не зверь парня сажать за пять серебряных. Тем более и в мыслях не держал приносить такое горе его уважаемому папе. Хотя тот мог бы и не давать непутевому сыночку боевое оружие. Тем более такому засранцу, как Тадир. Работу, курсовой амулет за четвертый год обучения, я ему сделал, а заплатить он только пообещал, но не дал ни монетки. А потом и вовсе заявил, что ничего не знает и ни о чем мы с ним не договаривались. Так-то он парень неплохой, но жа-а-адны-ы-ы-ый, а у меня мать болеет, сестру учить и потом замуж выдавать...

В общем, не исключая такого исхода, я построил в курсовой амулет одну... хм-м... штучку, которую обязательно заблокировал бы, если бы Тадир был честен со мной. Он, зная, что я уезжаю и не могу ждать, платить категорически отказался, за что и пострадал. Вместо иллюзии фейерверка под мелодичный звон колокольчиков амулет по-пороссячи хрюкнул, пукнул и сфонтанировал разноцветными чернилами. Комиссия при этом не пострадала. Почти. Весь запас краски обрушился на не ожидавшую такого подвоха Жабокрысу, надеюсь, навечно испортив ее «счастливое» платье, которое она неизменно надевала на все экзамены и зачеты. Платье это представляло собой нечто длинное и розовое, в многочисленных бантиках и рюшечках, с огромным зеленым жабо. Фасончик устарел лет пятьдесят назад, но старуху это совершенно не смущало. Жабокрысу не любили даже коллеги-преподаватели за мелочность, придиричивость и стойкое желание унижать всех подряд окружающих всеми доступными ей способами. Вот уж где внешность целиком и полностью соответствовала гниловатой душе этой гни... грандмастера второй категории. Жабокрыса прямо таяла от наслаждения, закатывая глаза и распахнув пасть – казалось, вот-вот выскочит тонкий длинный язык на перехват мухи, – когда ей удавалось запутать в мелочах и довести до слез девушку или до бледной синевы парня.

Таким образом, я одним тапком прибил сразу двух тараканов – наказал Тадира за жадность и Жабокрысу за все «хоршее».

Я специально для этого представления пришел на экзамен и с удовольствием понаблюдал за красивым фонтаном и истерикой Жабокрысы. Краску я разрабатывал в редкие минуты свободного времени три года и добился того, что скорее смывается краситель ткани, чем мой пигмент.

Разумеется, Тадира выгнали с экзамена. Разумеется, он знал, кто виноват в этом. Разумеется, он воспылил пагубной страстью к мщению в любых формах и возмечтал тут же поговорить со мной по душам. Он мог бы и один со мной справиться – никакими боевыми искусствами я не владел и особого опыта уличных драк не имел. Откуда время взять на эти забавы? У меня мать часто болеет, сестра... ну и так далее. Однако он взял своих приятелей, чтобы уж наверняка. Заманить их в подготовленную ловушку было делом техники. Бегаю я все-таки быстрее их всех.

Ну что ж, патруль уводит моих преследователей, пора и мне на станцию. Сегодня впервые в жизни я поеду на настоящем немагическом поезде. Дядя Хрык, орк из полуденных земель, рассказывал, правда, что разок как-то прокатился на этом чуде техники до столицы. Ничего, мол, хорошего. Дымища. Грязища. Лязг, грохот, стук. Но мне все равно было интересно, да и по времени гораздо быстрее получается, чем на дилижансе. Я до последнего не терял надежду, что Тадир по-честному расплатится и я смогу оставить матери немного денег. Вполне успевал, благо свой последний экзамен на диплом мастера магического конструирования сдал еще два дня назад. Завтра утром в столичной академии состоится вручение дипломов и одновре-



менно распределение на работу выпускников всего королевства. На поезде примерно триста километров до столицы ехать придется около двенадцати часов, а на дилижансе – двое с лишним суток. Хотя на нем и дешевле в полтора раза – семь серебряных вместо десяти, – но время дорого.

Прежде чем показываться на площади, я взялся за пряжку плаща-накидки и повернул изображение лилии на четверть оборота по солнцу. По одежде прошла волна – раз, другой, третий. Все. Чисто. Еще пара проверок, и надо будет матери сделать амулет сухой чистки одежды, а то таскает тяжелые ведра с водой для стирки. Хорошо хоть на четвертом курсе, когда получше разобрался с проектированием магем, сделал ей бак-артефакт. Ух, и намучился с ним. Аналогов в книгах не нашел, а все оказалось очень даже просто – берем лохань или бочку, врезаем внутрь круг с крыльчаткой, добавляем снаружи панель активации и часомер. Заливаем в бак воду, сыплем мыльную стружку или льем жидкое мыло, устанавливаем часомер на нужное время стирки – до десяти минут, – активируем и... все! Можно идти заниматься своими делами, а не трепать белье в корыте, до крови обдирая кожу на пальцах.

Мать у меня – умница. Я от радости, ну и гордости, конечно, заявил после успешных испытаний: дескать, теперь все прачки города останутся без работы – все клиенты перейдут к нам. А она подумала и, хотя тоже была счастлива и гордилась мной, все-таки спросила:

– А патент на это чудо ты брал, сынок?

– Н-нет.

– А разве можно пользоваться артефактом без утверждения патентного бюро?

– Ой! – только и осталось мне сказать.

Действительно, «ой». Вроде бы патент взять нетрудно. Принес в бюро подробное описание магем и контуров, дождался освидетельствования, затем утверждения и делай себе амулетов и артефактов сколько душа пожелает. Даже на продажу можно. Только вот был я свидетелем одной очень неприятной истории. Парнишка на два курса старше меня тоже что-то такое интересное придумал и отнес описание в бюро. Через неделю, когда пришел за результатом, крепко получил по заднице, фигурально выражаясь. Грандмастер, проводивший экспертизу, заявил, будто это изобретение украдено у него. Дескать, попросил студента всего лишь оформить заявку и переписать все начисто, а тот – ай-ай-ай – до кражи опустил. Парень возмутился, кинулся правду искать, а ему вежливо объяснили, что за подобную кражу чужих работ он вполне может остаться без диплома и оказаться в черном списке нанимателей, после чего его только ассенизатором и возьмут. Что значит слово студента против слова грандмастера? Заставили даже просить прощения у вора – иначе того подонка и не назовешь. Тот «милостиво» простил и наказал больше так не делать, а сразу идти и просить совета у него – грандмастера, который подскажет и научит действовать правильно. Вот такие дела. Теперь, думаю, понятно, почему я слышать не хочу про патентное бюро?

Обсудив все подробно, мы пришли к выводу, что стиркой с помощью бака мать будет заниматься тайно, и если увеличит клиентуру, то ненамного. Н-да. А с сухой чисткой как тогда быть? Если она перестанет развешивать белье на просушку, то очень скоро соседи, а вслед за ними и те, кому лучше не знать, заинтересуются: а как это она стирает без воды и без сушилки?

Ладно. Это все потом продумаем, а сейчас пора получать свой багаж в зале временного хранения вещей, грузить его в вагон, садиться к окну и дожидаться отправления.

В стоимость поездки входило постельное белье, а застелил мне его, как настоящему графу какому-нибудь, вагон-стюард. Я дал ему пять медяшек и почувствовал себя обеспеченным человеком.

В столицу поезд прибыл точно по расписанию в пять часов утра. Я прекрасно выспался, был бодр и весел. На остановках мне удалось мало-мальски подробно ознакомиться с устройством этого чуда техники и добавить себе в копилку пару новых идей. Моим расспросам были

искренне рады все, начиная от машиниста и кончая смазчиком колес. Отвечали мне с большой охотой и величием короля, даже еще величественнее – как лакеи короля. Они были преисполнены важности своей сопричастностью к великому чуду света – железной дороге – и не отказывали себе в удовольствии продемонстрировать любопытному провинциалу свои знания.

Оставшееся до начала церемонии время я проболтался по столице, с жадным интересом рассматривая высотные, аж в шесть этажей, дома, особняки, храмы Творцу, театры, мосты... да все подряд. Перекусил в харчевне за восемьдесят медяшек – столица, однако. У нас такой завтрак стоил бы шестьдесят пять – семьдесят, но наши цены сюда не привезешь с собой. Бутерброды, выданные мне на дорогу и завтрак, я, к стыду своему, съел еще в поезде. Почему-то езда в вагоне пробуждает зверский аппетит. Вон и соседи по купе. Не успели мы тронуться, тут же достали свои запасы съестного и стали их уничтожать с таким остервенением, будто год не ели. А аппетит – штука заразная.

В зале приемов столичной академии я появился за пятнадцать минут до срока и нашел ребят из нашего училища. Здесь были все выпускники-мастера из всех училищ королевства. Традиция такая. Вручать дипломы только в столичной академии. Наверное, и архивы в одном месте хранить было удобнее – мало ли кто диплом потеряет. Были здесь, разумеется, и выпускники этой самой академии. Вот уж кто важничал и нос задирали. Мы, провинциалы, по их разумению, им и в подметки не годимся. А на самом деле, насколько мне известно, в некоторых провинциальных городах обучение поставлено лучше, чем в столице. В академии хороший преподаватель, если не владеет искусством интриги, надолго не задержится. Живо вылетит. А куда? К нам, конечно, в провинцию. И кто же остается в столице? Сынки высокопоставленных дворян, чиновников и торговцев. Нет уж. На столичную академию у меня ни денег, ни нервов точно не хватило бы.

Мои, теперь уже бывшие, однокурсники встретили меня радостно. Превосходники обступили, хлопали по плечам, жали руку, благодарили... есть за что, но это не важно. Девушки расцеловали в щечки – а какие они все красивые! Как я раньше не замечал?

– Ой, девочки, – рассмеялась хохотушка Никра, стирая пальцем помаду с моей щеки. – Вы только гляньте на нашего Рада! Похоже, он только сейчас заметил, что мы девушки и уже не маленькие. Ой, как мило он красне-е-е-ет. Радик, а покрасней еще. Ты так на меня смотришь, будто с самой принцессой Лимирой встретился. А тебе не говорили, что у тебя лучистые глаза? А ресницы! Реснички – прям опахала халифа Турции.

– Никра, отстань от него, – добрая душа Дрома поспешила мне на помощь. – Дай парню прийти в себя. Ты его совсем засмущала. Отдай лучше мне, я его научу, как с девушками обращаться. Держи! Держи его! Мы же еще не начали даже!

Я со всей возможной скоростью спрятался за спинами наших парней и взмолился Творцу, чтобы церемония поскорее началась. И меня услышали. Взревели серебряные трубы. Прямо над ухом. Еще бы. По всему залу в стены были вмонтированы магемы-звукопередатчики. Оттуда-то и слышалось дудение. Довольно чистое, следует признать. По залу забежали распорядители, выстраивая нас по ранжиру. Не по училищам или по росту, а по успеваемости. Справа, рядом с дверью в другой зал, где сидели будущие наниматели, поставили превосходников, левее отличников, за ними хорошистов и так далее. Мое место ожидаемо оказалось на самом левом фланге среди «настоящих удавистов». Тех, кто основной оценкой имел сплошные «удовлетворительно». Левее меня оказались только два парня и девушка. То есть до нас очередь дойдет только в самом конце, и наниматели останутся только те, кем пренебрегли наши предшественники. Грустно, но что поделаешь? Так уж сложилось. Однако диплом я все-таки честно заработал. Пусть и не с лучшими оценками.

На трибуну тяжело взгромоздился величайший мастер, президент королевской академии магического конструирования, почетный член чего-то и действительный член чего-то другого. Я не расслышал, да не особо и прислушивался. Член толкнул речь минут на тридцать, из кото-

рой я понял, что нас поздравляют, желают всяческого и предупреждают, чтобы ни-ни. Затем величайший... член удалился, и к раздаче «корочек» приступил его заместитель. Тоже величайший и тоже член.

Процесс пошел. Каждый выпускник получал диплом (золотой, серебряный или синий), значок мастера, книгу об академии, рукопожатие величайшего и открытые двери в соседний зал.

Часа через два и я удостоился синего диплома, значка и вялого рукопожатия величайшего – сочувствую, уже более четырехсот человек потискали его пальцы. Книги мне не досталось. Закончились. Ну и не очень-то хотелось – что мне до этой академии?

К сожалению, и наниматели практически все закончились тоже. Столики с плакатами: «Мануфактура Бломбс и сыновья», «Корабли Крамба», «Сталеварни Друбба» – и других «вкусных» нанимателей сиротливо стояли в гордом одиночестве при девственной пустоте столешниц и полных мусора корзинах с мятой бумагой и огрызками карандашей. В этом большом и пустом зале только за пятью столиками еще кто-то сидел, равнодушно глядя в окно. За четырьмя сидели представители мануфактур с такими идиотскими предложениями, что становилось видно без соответствующего амулета – за ними ничего нет. Классическая пустышка. Владельцу мануфактуры, может быть, и в самом деле нужен еще один специалист, но кто определит, подходит кандидат или нет? Собственные специалисты, конечно. А нужен им еще один сотрудник, когда они уже привыкли делить его плату между собой? Как правило, нет. Вот и выставляют эти представители требования, как к грандмастеру, а плату предлагают, как грузчику, семьдесят-восемьдесят серебряных в месяц. С такой платой я и одеться толком не смогу, не то что родным помогать.

К последнему нанимателю, суровому сухощавому старику с седой короткой бородкой, усами и столь же седыми густыми бровями, я подходил без всякой надежды, уныло прикидывая варианты самостоятельного поиска работы. Перспективы, это я четко осознавал, были далеко не радужными. И эта вакансия, судя по совершенно не исписанному карандашу и стопке чистой бумаги, спросом у молодых мастеров не пользовалась. Опять пустышка.

Старик мрачно глянул на меня и неожиданно потребовал:

– Покажи диплом.

Я пожал плечами и протянул ему только что полученные «корочки». Дед внимательно осмотрел содержимое, мрачно посопел, подумал и выдал:

– Так и быть. Я готов тебя взять, молодой, растущий удав, но только если пообещаешь быть старательным и внимательным.

– А что за работа? Сразу говорю, за тридцать серебряных в месяц конструировать «Звезду магистра» не возьмусь.

«Звезда магистра» – легендарный артефакт, якобы сконструированный более тысячи лет назад величайшим мастером, гением конструирования, Иохимом. Эта звезда, согласно легенде, наделяла мага-конструктора таким могуществом, что он способен был сворачивать горы и менять русла рек. Зачем только сворачивать и менять, совершенно непонятно, но что-то в этом есть. Всю тыщу лет все кому не лень ее ищут, но так и не нашли. Записи своего гения уничтожил, поэтому и воспроизвести артефакт не смогли, как ни бились. Хотя трудно воспроизвести то, не знамо толком что.

– Три золотых в месяц, стол и апартаменты. Работа во дворце.

Тут он меня удивил.

– Во дворце-е-е? Что, не нашлось ни одного превосходника, мечтающего занять эту вакансию? Поближе к королю – шустрее карьера.

– Речь идет о старой резиденции королей. В ней проживает сейчас экс-монарх Ломтир Седьмой и его двор.

Понятно. Ломтир три года назад передал корону своему сыну Мормису IV и удалился на покой. Вместе с ним ушли и его старые – в буквальном смысле – друзья. То есть мне предлагали работу фактически в богадельне. В бывшей резиденции королей, где они правили более тысячи лет и только недавно перебрались в новую. Зарядка накопителей, мелкий ремонт магем, скорее всего древних, примитивных и капризных, и... никакого конструирования. Сплошная поддержка старых штанов. Впрочем, за три золотых... Где мне самому найти работу в незнакомом городе? В своем, я точно знал, работы для меня нет и не предвидится. А здесь хоть время будет осмотреться и найти что-нибудь получше. Плата, конечно, в два-три раза ниже, чем на мануфактурах, но, может, времени для поисков будет побольше? А, была не была!

– Я согласен.

– Что? Вот так сразу? И думать не будешь?

Я обвел рукой зал:

– Не о чем пока думать.

– Ну что ж. Тогда пошли.

– Что? Вот так сразу?

Он, в свою очередь, обвел рукой зал:

– А не о ком думать.

Действительно, троица самых крайних в ряду выпускников, которая должна была пройти вслед за мной, в этом зале не появилась. Либо у них уже была работа, либо они просто не видели смысла подбирать крохи с чужого стола.

Старик быстро собрал бумаги в сумку, нахально вручил ее мне и двинулся к выходу.

– Э! Уважаемый! А... как мне к вам обращаться?

– Я – грандмастер первой категории (ого, один шаг до величайшего!) Трумар.

## Глава 2

### Дворец

Старый дворец – мрачное и неуютное строение в небольшом заросшем парке – громоздился неподалеку от академии, на противоположной стороне площади, поскольку саму академию когда-то строили специально поближе к резиденции королей. Дворец сооружали, конечно же, гномы, лучшие строители нашего мира, на месте древнего храма забытого бога. Сначала первый король засомневался, стоит ли вот так нарушать покой высшего существа, но служители Творца чуть не подвергли его анафеме за ересь. Дескать, нет иных богов, кроме единого Творца всего сущего, и думать иначе – богохульство. После того заявления короля и отповеди святых батюшек ничего другого не осталось, как строить резиденцию именно здесь. Выбор другого места показал бы миру, что монарх некрепок в вере и вообще боится невесть чего, а значит, слаб и вряд ли достоин править сильным и храбрым народом – победителем эльфов, орков и гоблинов. Впрочем, ниже второго яруса, откуда, собственно, и начинались службы храма, никто не спускался, за исключением фанатиков-исследователей, но и те перестали рваться туда после того, как большинство из них навсегда исчезли в подземных лабиринтах. Немногие вернувшиеся напропалую рассказывали о запутанных, то исчезающих, то появляющихся ходах, ужасных тварях – стражах лабиринта, агрессивных призраках и восставших мертвецах. Врали, конечно, приукрашивая собственную доблесть и преувеличивая опасности, но что-то такое все-таки там, наверное, было. По слухам, бродить там можно вечно, а если знать дорогу, то и весь континент получится обойти под землей. Якобы все храмы забытого бога в незапамятные времена были объединены в единую систему сетью подземных туннелей и залов.

Существенно ограничивало поток «кротов», в частности, и то, что подземелья были все-таки в королевском дворце и просто так попасть в него мог далеко не каждый. Какому монарху, да и не монарху тоже, понравится толпа историков, магов и просто любопытных, шастающая туда-сюда по его дому?

Мы прошли мимо гвардейцев охраны – Трумар просто кивнул им, и этого оказалось достаточно, прошагали длинными коридорами и вошли в небольшую приемную.

– Ньор Свирусс у себя? – спросил мастер немолодую женщину-секретаря.

Та кивнула и повела рукой, приглашая войти. В кабинете за крепким дубовым столом с резьбой сидел очень старый эльф. Лицо изрезано морщинами, волосы – явно видно – не серебристые, а обыденно седые, взгляд усталый и мудрый с налетом легкой скуки. Он встал, поприветствовал моего нанимателя и перевел вопросительный взгляд на меня.

– Вот, Свирусс. Принимай пополнение. Будет моим помощником.

– Надеюсь, в его дипломе не менее восьмидесяти процентов оценок не ниже «превосходно»?

– Издеваешься? – ласково спросил Трумар. – Может, мне быстренько сбежать нанять самого президента академии? А что? За три золотых он еще и спляшет.

– Ты знаешь порядок, Трумар. Специалист, поступающий на службу во дворец, обязан иметь в дипломе...

– В новом дворце действующего монарха, Свирусс. Дей-ству-ю-ще-го, – по слогам произнес мастер. – И не надо мне рассказывать, какая честь служить здесь. Нет желающих. Совсем нет. Хоть режь – хоть на лепешку намазывай. А призывать на службу и насильно вербовать магов запрещено указом еще прапрадедушки нашего короля. Ты предлагаешь нарушить указ?

– Нет, но так тоже не по правилам.

– Тогда что ты предлагаешь? Я уже три года один тащу эту работу. А сколько магов раньше обслуживало дворец? А? Восемь!! По два на каждое крыло. Они работали посменно и

то не бездельничали. Я уже забыл, как выглядит мой собственный дом, потому что не могу ни на минуту покинуть службу. Выхожу из дворца только в академию и только в день вручения дипломов в надежде, что хоть кто-то согласится за столь мизерную плату заниматься этой нудной и тяжелой работой. Три выпуска конструкторов прошли, и ни одного желающего занять вакансию. Вот кроме этого юноши. Предлагаешь ему отказать? Так имей в виду – я больше не в силах работать один. Закрывай тогда восточное и южное крылья, уводи оттуда придворных и слуг, а двери опечатывай. Это мое последнее слово!

– Ну, хорошо-хорошо. Я согласен. Но оформить этого... кандидата на должность мастера я не могу. Только подмастерьем с половинным жалованьем. Полтора золотого. Это все, что я могу сделать, не нарушая закона.

– Я тебя понимаю, – задумчиво сказал Трумар. – Но я обещал мастеру три золотых, а ты предлагаешь вдвое меньше. И как я буду выглядеть в глазах окружающих? Как обманщик? Как человек, который не держит свое слово?

– Полтора и должность подмастерья.

– Э! Уважаемый ньор, а у меня вы спросили, согласен я копать в вашем древнем баракле за полтора золотого? – вступил я в разговор.

– Артефакты дворца конструировали великие маги древности! – с апломбом заявил ушастый.

– Ну так пусть ваши древние маги сами и ремонтируют свои артефакты. Всего хорошего, уважаемые. За полтора золотого я в любой лавочке устроюсь подмастерьем и буду со скуки выдумывать артефакт для разгона насекомых, вместо того чтобы бегать по вашему дворцу, высунув язык и весь в мыле.

– Да за такие слова, не будь ты магом... – угрожающе начал эльф, но Трумар остановил его:

– Ты, Свирусс, оторвался от жизни. Можешь продолжать чтить замшелые законы, а я больше ни ногой в указанные части дворца. Я не шучу.

Магема на стене хрипло прокаркала одышливым старческим голосом:

– Где Трумар? Где его опять носит?

Эльф активировал пиктограмму на панели связи.

– Ньор Густали, ньор Трумар у меня в кабинете. Что случилось?

– Граф Кулкар жалуется на пыль, грязь и сквозняки. В его возрасте – это непереносимо. Воздушная завеса не справляется, магические уборщики почти все отключились. Трумар, вы должны немедленно отправиться туда и починить.

– Сожалею, но в связи с отказом ньора Свирусса в приеме на работу отобранного мною мастера я вынужден официально заявить о том, что восточное и южное крылья дворца снимаются с магического обслуживания.

– Как снимаются?! – встревоженно вскричал голос.

– Я уже три года фактически живу во дворце, а проблемы множатся. Я более не в силах решить все. Есть куча поломок в северном крыле, где живет наш уважаемый экс-монарх, в западном, где обитают его наиболее приближенные вельможи... Если я пойду решать проблемы графа Кулкара, то не успею справиться с другими.

– И что же делать? – растерянно прохрипела магема.

– Есть два варианта: закрыть и опечатать эти части дворца. Такой вариант я только что предложил ньору Свируссу...

– Невозможно. Совершенно невозможно...

– ...либо нанять живую прислугу, – добавил Трумар, не дослушав.

– Вы представляете, во сколько обойдется содержание живой прислуги? Кто будет платить за все это?!



– Ньор Свирусс, разумеется. Зато он будет экономить три золотых в месяц на жалованье мастера.

– Свирусс, что ты там придумал? В чем дело?

– Согласно уложению о найме дворцовых служащих...

– К дьяволу уложение, если ради него мы вынуждены терпеть такие неудобства!

– Но кандидат уважаемого Трумара даже третью категорию не смог получить. Ему присвоена квалификация мастера четвертого ранга. Ниже просто не бывает. Он фактически подмастерье.

– То есть, – в хрипах голоса из магеми послышались нотки вкрадчивости, – ты лучше грандмастера понимаешь в магическом конструировании? Хорошо. Убедил. Иди и найди мастера, соответствующего твоим пожеланиям. А пока ты ищешь, мы найдем живую прислугу. За твой счет! С завтрашнего дня мы публикуем объявление о найме. А ты ищи! Ищи, ньор Свирусс. Удачного поиска.

– Но ведь Трумар три года не мог найти помощника, а вы хотите, чтобы я за несколько дней сделал это?

– Он же все-таки нашел. Раз он предлагает кандидатуру, значит, и отвечает за свой выбор. Не так ли, ньор Свирусс? Я разрешаю тебе отвергнуть кандидатуру, предложенную Трумаром, и самому найти ему помощника. Береись?

– Может, уважаемый грандмастер прав, – неуверенно заговорил эльф, – и работа не настолько сложная, чтобы с ней не справился...э-э-э... не самый лучший выпускник?

– Так что? Опубликовать объявление?

– Не надо! – поспешно вскрикнул эльф. – Я все оформлю, но-о-о...

– Догадываюсь, что тебя волнует. Бюрократ! Бумаги принесешь мне – я подпишу. Еще что-то? Оформляй.

– Слушаюсь, ньор управляющий.

Эльф мрачно достал из стола бланки, написал короткое распоряжение и предложил мне пройти к секретарю для дальнейшего оформления. Через час бумаги были подписаны, я оставил отпечаток ауры на бланке договора, а грандмастер Трумар завизировал его своей личной печатью. Затем мой новый начальник провел меня в южное крыло дворца и предупредил, что временно, а при желании и постоянно, жить мне придется во дворце, поскольку намечается много работы по настройке и ремонту магем, пришедших в негодность, а также питанию разрядившихся. Для проживания мне выделяются трехкомнатные апартаменты...

– Бесплатно?! – не сдержал я изумления.

Мастер, в свою очередь, посмотрел на меня, как на убогого:

– Ну, разумеется, бесплатно. Я уже говорил. Ты что, на постоянный двор работать пришел? Кроме того, в твоём распоряжении – лаборатория. Ингредиенты на первых порах заказывать будешь через меня. Потом, когда разберешься в нашей бюрократии, будешь это делать самостоятельно. Только учти, заказ на самые дорогие компоненты, наподобие толченого зуба молодого дракона или крови старого василиска, без моей визы не примут. Понял?

Я чуть не прыгал от радости. Надо же, я боролся за жалкие полтора золотого, а если бы мне сразу сказали про лабораторию, то я и на один был бы согласен. Такие возможности открываются, что прямо дух захватывает.

– Утром тебе будут приносить меню на следующий день. Ты должен будешь поставить отметки против тех блюд, которые хочешь получить. Кормят здесь шесть раз в день, но при необходимости можешь заказать на кухне что-нибудь и во внеурочное время. Но в этом случае список блюд довольно ограничен. Питаться можешь в малой столовой для придворных не самого высокого ранга или в своих апартаментах. Будут приносить, если нет времени для похода в столовую и предупредишь прислугу заранее. За полтора-два часа.

– А сколько будут вычитать из оклада за питание?

Для меня это был животрепещущий вопрос – может, в городе получится дешевле?  
– Нисколько. Питание для служащих бесплатное.

Мне моя скромная берлога понравилась. Три огромные комнаты: гостиная, кабинет и спальня. Гардеробная с огромным шкафом на пару сотен нарядов, мраморная ванна размерами с маленький бассейн, туалетная комната и умывальник. Даже в лучшие времена нашей семьи я не припомню такой роскоши. А лаборатория!.. Я прямо по-кошачьи зажмурился. Просторное помещение было просто заставлено различным оборудованием и приспособлениями, о которых в нашем училище можно было только мечтать. А главное, не придется постоянно с кем-нибудь сталкиваться задницами и ругаться, чья очередь использовать печь отжига или перегонный куб.

В полнейшем восторге от увиденного я пошел вслед за Трумаром в его лабораторию, чтобы забрать в ремонт несколько артефактов. Мастер решил не тянуть скелет за член и сразу загрузить меня работой – прохладиться и обжиться-де я смогу вечером, а золото даром никто не дает.

Лаборатория мастера ничем не отличалась от моей. Как выяснилось, в каждом крыле были предусмотрены апартаменты и лаборатории мастеров, поддерживающих артефакты соответствующего крыла дворца в рабочем состоянии. На сегодняшний день использовались только те, что располагались в северном крыле, где центральный вход и проживал экс-монарх, а теперь, с моим приходом, будут использоваться и в южном тоже.

Судя по перепалке в кабинете Свируса, из мастеров-конструкторов нас с Трумаром здесь только двое. Тогда кто этот юный эльф в лаборатории мастера, который что-то смешивает, растирает и толчет с самым сосредоточенным видом, заглядывая периодически в фолиант на рабочем столе? Скорее всего, эльф. Уж очень гибкая и стройная фигура угадывается под бесформенной просторной рубахой, штанами и бахилами из грубого алхимостойкого материала. Да и личико с эльфийским разрезом глаз уж очень миловидно. Даже большой стандартный берет, куда нужно было обязательно убирать волосы и уши, если не хотелось их лишиться, а зачастую вместе с ними и здоровья, не портил его облик, хотя и создавал впечатление полностью лысой, как колено, головы. Ну не девчонка же у него тут шебуршит. Вон руки все в ссадинах и ожогах от реактивов. Сразу видно, что этот лентяй полностью игнорирует рабочее перчатки. Помню, наши красавицы в училище никогда их не снимали. Как наденут перед входом, так до конца лабораторки в них и ходят. Однажды Валима умудрилась что-то такое намешать, что прожгла перчатку насквозь – ви-и-и-изгу было... А уж слез-то сколько. Как же, а если друг сердечный заметит крошечное пятнышко на ее матово-нежной коже, когда ручку будет целовать? А вдруг преисполнится отвращения, и покинет его сердце любовь к томной красавице. Улетит птицей перелетной... к Ниррите, например. Ужас! Кошмар!! После этого случая представительницы прекраснейшей половины человечества насели на преподавателя с требованием выдавать им по две пары перчаток. Тот не возражал, только если и в одной-то паре не всегда было удобно работать, то в двух иногда просто невозможно. Парни, наоборот, предпочитали небрежно-устало сбросить кожаные перчатки в ресторане перед девушкой: «Ну вот, опять ожог. Алхимия!» – чтобы услышать заботливое: «Ой, как тяжело вам приходится! А это опасно?!» На что равнодушно и с легкой скукой ответить: «Есть немного. Недавно так бабахнуло, что пол-лабы разнесло. Препад раскричался, конечно, но жертв не было. Почти».

– Позвольте мне представить... – начал мастер, но эльфеныш нагло его перебил:

– Меня зовут... Аримил и... вы мне мешаете.

Трумар странно закашлялся и усиленно занялся жеванием собственной бороды.

Па-а-а-адумаешь, царь лесов и болот. Сам еще, скорее всего, и до подмастерья в конструировании не дошел, а уж высокомерия полные штаны вместе с беретом. А я, между прочим, в лучшем костюме сегодня. Прямо с торжественного вручения дипломов. Ну и что, что одежда не новая, зато аккуратно подштопана и вычищена.

Трумар почему-то смущенно раскашлялся и представил одного меня:

– А это Гаррад. Выпускник лабсантского училища магического конструирования. Мастер-конструктор. Будет обслуживать восточное и южное крылья.

Эльф хмыкнул то ли одобрительно, то ли презрительно и продолжил свое дело.

– Старательный у вас лаборант, мастер, – подбросил я маленькую шпильку. – Учитывая прижимистость ньюра Свируса, небось за пятьдесят серебряных в поте лица трудится, – я сочувственно вздохнул. – Бе-едный.

Трумар крикнул, но ничего не сказал, а лаборант зло сверкнул глазами, открыл было рот, но превозмог себя и, стиснув зубы, стал так яростно что-то растирать в ступке, будто в ней лежали косточки его давнего врага.

– Мил, голубчик, некоторые ингредиенты, чрезмерно растертые, могут изменить свои свойства и стать непригодными к использованию в зельях. Размер гранул тоже имеет значение, разве тебе уважаемый мастер этого не говорил? – заботливо добавил я.

У эльфов всегда так. Чем ласковее его назовешь, тем больше разозлишь, поскольку толпы тупых личностей никак не могут поверить, что за смазливym девчоночьим личиком эльфа-мужчины скрывается мужественный воин. А уж как их обожают любители мальчиков...

Лаборант швырнул пестик в ступку, рывком отодвинул ее от себя, повернулся ко мне и, уперев руки в боки, злобно засопел. Что ему не понравилось, интересно? Сокращение имени с намеком на принадлежность к любителям крепких парней вместо девушек или моя немного преувеличенная забота?

– Так, – построжал голос Трумара. – Гаррад! – Мне показалось или он запнулся? – Ари-мил! Молодые люди, если вы не будете друг с другом ладить – выгоню обоих. Ари-мил, занимайся своим делом, а мы с Гаррадом обсудим его работу.

Я пожал плечами – нужен мне его лаборант, как зеркало солнцу. У меня будет. Нет, уже есть! Своя! Собственная!! Не совсем, правда, но это мелочи. Лаборатория!! Все никак не могу привыкнуть к этой мысли. И мне на задницу не упали никакие лаборанты, тем более эльфы. Даже буйные орки и те приятнее. На мой взгляд.

– Гаррад. Сначала ты продемонстрируешь мне, как будешь справляться с заданием. Возьми в той куче неисправных артефактов самый верхний. Знаешь, что это?

Артефакт представлял собой немалых размеров брусок, выпиленный из цельного куска гранита.

– Да, мастер. Охладитель-нагреватель воздуха. Очень старый и слабый. Рассчитан на объем от восьми до девяти кубометров воздуха. Состоит из трех магем...

– Достаточно. Дефект видишь?

– В магеме нагревателя затерлась часть одного из контуров.

– Исправить можешь?

– Да.

– Действуй.

Задача примитивная. Я, немного красуясь, сформировал в воображении недостающую часть контура, преобразовал идеальный образ в реальный, по месту подогнал размер и, влив силы из своего внутреннего запаса, импульсным посылом, сопроводив его немного театральным жестом, целиком внедрил в брусок.

Тихий шорох рассыпающегося камня возвестил об успешном... провале моего ремонта. На злорадное «хи-хи» лаборанта я не обратил ни малейшего – убью гада – внимания. В чем же прокол? Ах, ты ж сартараментокорподалероматеомарруто!! Как же я упустил, что...

– То, что артефакт очень старый, ты, конечно же, не знал и не видел, – с обреченным вздохом прокомментировал мастер результат моих действий. – Кроме того, вероятно, проспал лекции по определению изначальной прочности материала. Хотя, признаю, импульсным методом внедрения из идеального образа ты владеешь отменно. В отличие от некоторых, – повысил

голос мастер, слегка развернувшись в сторону Аримила, немного притушив его неземное блаженство от моего ляпа. – Понял свою ошибку? Теперь возьми следующий артефакт и исправь дефект.

Я взял новый брусок. В его магемах проблемы были другие, но возраст тот же. Поэтому я теперь уже сосредоточенно сформировал магему определения прочности, провел диагностику и только после этого стал заменять деформированные участки контуров новыми, внедряя их методом поступательных наложений. М-да. Дело оказалось еще нуднее, чем я думал. Надо будет придумать что-нибудь эдакое, избавляющее от рутины.

Повторное выступление не вызвало со стороны мастера нареканий. Он сказал мне взять тележку, погрузить на нее половину артефактов, нуждающихся в ремонте, и отвезти в свою лабораторию. Кроме того, ехидно улыбнувшись, водрузил сверху новенькую заготовку:

– А это тебе подарок. Сделаешь новый артефакт взамен разрушенного. Привыкай, юноша. Здесь тебе не учебная лаборатория, дворец не может остаться без артефактов из-за твоей нерадивости.

М-да. Если ремонт – это максимум десять минут, то создание нового потребует нескольких часов.

## Глава 3

### Работа и девушки

Через неделю, выправив все артефакты из тележки и установив их на место, я перестал возить этот груз с собой, а устранял неисправности прямо на месте. Собственно, и грандмастер возил в лабораторию артефакты с такими сравнительно несложными повреждениями только из-за нехватки времени. Он указывал рабочему, какой блок следует вывинтить, выкрутить или просто выломать, нумеровал его и место, где он раньше находился, после чего приказывал отвезти в лабораторию. Устранив дефект, перекладывал годный блок на другую тележку с готовыми артефактами, а рабочий каждое утро ее забирал и, согласно номеру, устанавливал обратно. Трумар был принципиальным противником такого метода работы. Он был убежден, что маг-конструктор должен сам все это делать, иначе с рабочего потом толком не спросишь – тот не обязан понимать правила транспортировки и установки артефактов. Не разбил, и ладно. Поэтому до моего появления он мирился с подобной несуразностью вынужденно, но с моим приходом тут же прекратил подобную практику. Таким образом, прогулок руки в брюки вслед за рабочим, равно как и поплеывания на дорогие, хотя и потертые ковры, у меня не получилось. Даже последние артефакты, исправленные самим мастером, мне пришлось развозить и устанавливать лично.

Пришлось познакомиться и с не очень приятной особенностью работы – ремонтом артефактов в присутствии посторонних. То есть обитателей дворца. Не стоит думать, будто восточное и южное крылья населяли одни старички, из которых песок сыпался. Да, в основном, конечно, жили там по месяцу-два-три гости бывшего короля, но приезжали также люди средних лет и даже молодежь. Чаще всего бывало так: приезжал старый друг из провинции, куда он уже давно ушел на покой, а с ним вместе целая толпа детей, внуков, внучек, племянников, друзей внучек, гостей племянников и друзей гостей племянников. Всем охота побывать в столице, пожить в самом настоящем королевском дворце и потом хвастаться эдак небрежно: «Ах, дворец, конечно, красивый, но как-то раз лакеи подали совсем холодный консоме!.. Я так ругалась, так ругалась... а еще и профитроли оказались уж очень мелкие...»

О чем это я? А, да! Ремонтируешь какой-нибудь артефакт в гостевых апартаментах или в коридоре, а тебе под руку лезет чей-то до ужаса любопытный нос. Да-да. В буквальном смысле. Одна такая носатая б... баронесса провинциальная прямо на руки мне сопела, пока я всего лишь привинчивал на место отремонтированный блок ночника. Думаю, свой нос она непременно укладывает на колоду рядом с поленом, чтобы видеть все подробности колки дров. Я приостановил установку, всерьез задумавшись о создании артефакта ущемления носа, засунутого не туда и не тогда.

За полгода работы я немного округлился, заматерел и, следует признать, обнаглел. Меня уже не беспокоили внимательные и настороженные взгляды обитателей комнат, в которые мне приходилось наведываться для исправления дефектов в артефактах. Грандмастер сразу пообещал выгнать, если я не смогу быть терпеливым с идиотами и вежливым с хамами. Проклятая застенчивость. Я старался и терпел. Терпел и старался. А через некоторое время стал даже получать удовольствие, когда какая-нибудь троюродная племянница двоюродного брата маркиза смотрела на мою работу восторженными глазами. Ее понять можно, одаренных, способных чувствовать магическое поле, не так уж и много, а тех, кто им может эффективно управлять, еще меньше, да и из этого меньшинства единицы смогли выучиться на мастера. Теоретически способности можно развить. Как утверждают некоторые грандмастера, чуть ли не с нуля. Другое дело – бездарность предстоит тренировать долго и упорно, а в итоге получится сравнительно слабенький маг. Известны отдельные случаи, когда бездари добивались

успеха, но это были единицы за всю историю существования магического искусства. Работать над собой им приходилось фанатично и истово. Днями и ночами. Помимо развития самой способности управлять энергией, надо еще знать кучу довольно сложных вещей, чтобы самостоятельно рассчитать контуры и сформировать магемы. На подмастерье можно выучиться за три-четыре года – у кого как пойдет, а вот чтобы стать мастером, надо еще не менее года. Эти сроки довольно условны, поскольку темп обучения у всех разный. Можно и несколько лет провести на одном курсе, пока знания и умения не подтянутся до нужного уровня, а можно сдать и экстерном. Но я о подобном не слышал.

Вот и получается, что подмастерьев, способных починить готовый амулет или изготовить копию существующего, хватает, а мастеров, способных создавать новое, довольно мало. Четыреста выпускников, вместе со мной получивших диплом, для нашего восемнадцатимиллионного королевства – капля в море. Учитывая, что почти половина вообще иностранцы и уедут к себе на родину. Потому и существует у нас один-единственный поезд, движущийся с помощью переменного магического поля. Скорость и плавность хода, правда, на зависть. К тому же никакого дыма и шума – он просто левитирует на высоте около двух сантиметров над толстым каменным рельсом. Расстояние в сорок пять километров от столицы до Сенталья, где располагается летняя королевская резиденция, проходит минут за сорок, но за это время съедает шесть мощных накопителей на основе алмазов, наиболее емких и прочных из всех. Конструкторы бьются над проблемой уменьшения энергопотребления, но пока безуспешно.

Большинству населения приходится пользоваться тихими, чистыми, но медленными дилижансами или шумными, грязными и вонючими паровозами. Впрочем, это мое частное мнение, и мастеров магического конструирования для королевства достаточно – поезд-то они спроектировали. Другое дело, что он слишком дорогим получился, однако далеко не факт, что при увеличении количества мастеров, занятых решением проблемы, она будет решена быстрее.

Неприятной стороной работы во дворце оказалась для меня также необходимость и внешне соответствовать уровню места обитания. Трумар в первый же день выдал мне в долг два золотых и велел обратиться в королевскую мастерскую неподалеку, чтобы заказать новую одежду. Дескать, в своих тряпках я могу ходить, если мне не стыдно, но только за пределами дворца. Где-нибудь в районе трущоб. И прозрачно намекнул на то, что дешевку здесь rozpoзнают сразу, поэтому не надо пытаться сэкономить и тем самым бросить тень на весь цех мастеров-конструкторов.

Таким образом, домой у меня получалось отсылать не более одного золотого в месяц, несмотря на бесплатное питание и жилье. Содержать дорогое платье оказалось тоже недешевой задачей. Амулет очистки работал исправно, но я выбросил три комплекта костюмов: камзолы, панталоны, рубашки с кружевами из дорогих тканей, – исключительно по собственной тупости. Поскольку шляться по коридорам дворца в лабораторной одежде мне категорически запретили, я вынужден был ковыряться с дефектами артефактов прямо в парадной, в результате одежды мне хватало всего на месяц максимум. Потом уже я догадался брать с собой комплект робы и надевать его поверх панталон и камзола. Вошел – определил задачу и, если предстояло заняться грязным делом, одевался. При выходе снимал и – в мешок.

Честно признаюсь, появилась у меня и еще одна прожорливая статья расходов – девушки. Самое обидное, что траты шли не напрямую – цветы, пирожное, театры, кафешки, – а косвенно. Как это может быть? Да очень просто. Наверное.

Учеба и работа мало способствовали знакомству с прекрасной половиной человечества и не только человечества. Я был до помидорной красноты стеснителен, робок и неуклюж. Боялся этого племени, как пламени, поэтому, став мастером, по-прежнему оставался девственником. Перейти трудный рубеж между мальчиком и мужчиной помогла мне одна из горничных. Была она старше меня на пять лет, имела аппетитную фигуру и славилась тем, что коллекционировала своих любовников. По ее признанию, мага у нее еще не было, тем и привлекла моя



скромная особа. Случилось все как-то неожиданно и для меня очень даже неплохо. Во всяком случае, мучиться вопросами любого подростка: а могу ли я вообще с девушками, а понравится ли им со мной, а как подойти да что сказать, – мне не пришлось совершенно, за что девушке огромное спасибо.

Как-то раз меня вызвали в бельевую, где испортился сушильный артефакт. В большом зале, кроме кучи белья и Карасы, никого не было. Девушка, сославшись на сквозняк, закрыла дверь на задвижку и предложила мне пройти в глубь помещения, где находился неработающий агрегат. Расстояние мы прошли небольшое, но за это время она несколько раз умудрилась приклониться ко мне то бедром, то грудью. Я краснел, деликатно отстранялся, она делала вид, что ничего не произошло, а когда я занялся ремонтом, проявила недюжинный интерес, фактически прижавшись ко мне со спины. Дескать, так ей лучше видно. Разумеется, вскоре мой собственный интерес, и отнюдь не к объекту ремонта, можно было видеть воочию – против природы не попрешь. Караса томно вздохнула, вызвав в моем теле непроизвольную дрожь желаний, еще сильнее прижалась, и ее рука скользнула по моему бедру. Я повернулся к девушке лицом, не зная, что делать и как себя вести. Тогда она сама взяла мою руку и положила себе на грудь, а потом с немалой сноровкой стала освобождать меня от одежды.

– Ой, такой красивый парень и все еще мальчик, – заметив мою неловкость, весело отметила она. – Вот мне повезло! Неужели ни одна девочка не была с тобой? Что же ты за бука такой был? Да не бойся, я тебя научу, как с девушками обращаться. Ой! А чего это мы головку повесили? Никак испугались? Непорядок. Сейчас Караса это поправит... погладит, поцелует. А ну-ка! Выше голову! Вот и умница.

Что красивый – это она подзагнула, а то, что мальчик, – правда. Ну ничегошеньки я не умел.

Самый страшный момент моей неуверенности в себе проскочил за единый миг, словно во сне. Девушка была умела и деликатна. Словно опытный лоцман, она вела нас по волнам наслаждения, не стесняясь все показывать и рассказывать. Неизвестно, от чего она получала большее удовольствие – от самой близости или от процесса обучения молодого неумехи. Наша игра затянулась. Несколько раз я доходил до вершин блаженства, и Караса, мне кажется, тоже – что я тогда понимал?

Через несколько часов, смертельно усталый, но счастли-и-и-ивый, я оделся и чуть не ушел, позабыв, зачем вообще сюда приходил. Впрочем, дефект оказался мелким, и справился я с ним за пару минут. Чмокнув на прощание подругу, так и оставшуюся лежать поверх вороха тряпья с блаженной улыбкой на губах, я побежал принять ванну и переодеться.

С этого дня у меня начался период буйного увлечения прекрасной половиной, но... безуспешно. Благодаря науке Карасы я знал теперь, что делают с девушками в постели, только вот проблема: до этого надо еще как-то эту самую девушку уговорить туда залезть. А с этим делом у меня по-прежнему было сложно. Я их боялся как огня, краснел, стеснялся, не знал, о чем говорить, куда деть руки, которые вдруг становились лишними приспособлениями, даже стараясь на пути не попадаться, а ехидные горничные еще и дразнились. Завидев меня шагающим в очередные апартаменты, шли навстречу такой походкой... такой... прямо хищные кошки на охоте. В марте. А жертва, мелкий котенок, истекающий слюной и дрожащий от страха, – это я. Проще говоря, общение с противоположным полом было для меня нешуточной проблемой. Боялся я, собственно, не того, что чего-то не смогу в постели, Караса показала мне самые разнообразные ласки и позиции. Не очень много, на самом деле, но тогда мне казалось, что я знаю о технике любви буквально все. Я до дрожи боялся отказа. А еще больше – насмешки. Все могло бы получиться, если бы кто-то из девушек затащил меня в постель буквально за шкуру по методу Карасы. Но таковых почему-то не наблюдалось. Видимо, перестав быть девственником, я перешел в разряд настоящих мужчин, от которых ждут не робких заиканий, а того самого... я имею в виду цветов, кафе, театров, прогулок под луной в загадочном парке...

Как все-таки просто было раньше. Я сам себя уверял, что в близости нет ничего интересного, хотя сны этому противоречили и результат бывал очень даже отчетливо виден на простынях, но тем не менее... мало ли что во снах привидится, а в реальности хрустальный дворец может оказаться грязной халупой. Караса разбила мои заблуждения, и дворец действительно оказался дворцом, большинство залов которого я еще толком и не видел.

Мне показалось, что решение проблемы можно найти с помощью моих профессиональных знаний, а именно – приворота. Как и любое дело, я не пустил его на самотек и занялся подробным изучением вопроса. Забросив на время расшифровку записей отца и чтение книг по специальности из дворцовой библиотеки, я основательно засел за соответствующую литературу, начиная от солидных трактатов и заканчивая бульварными романами. Больше всего мне понравились трактат Мосулия «Основные признаки ауры, сочетание коих влияет на взаимную привлекательность или неприязнь индивидов» и исследование Ворука «Запахи и феромоны. Интерполовая и интраполовая коммуникация». Раньше я не заморачивался вопросами приворотных зелий, о которых с полной серьезностью щебетали мои однокурсники, закатывая глазки: «Ах, если бы эффект был чуть более стоек! Ах, если бы эффективность была чуточку повыше!» Теперь же я сам увлекся и с головой влез в решение задачи. На два месяца заперся в своей лаборатории, отвечая только на сверхсрочные вызовы, и рассчитал-таки амулет, способный в сочетании с новым приворотным зельем... нет... не влюбить кого угодно невесту в кого или во что. Такие легенды – для дилетантов и обывателей. Любовь никакими зельями не сотворишь, а вот приязнь и физическую притягательность повысить вполне можно.

Мой амулет, сделанный в виде серебряного медальона, правда, излишне массивного, фактически подделывал ауру носителя таким образом, что делал ее максимально совместимой и привлекательной для избранника или избранницы. В общем-то, без разницы, кто кого хочет привлечь, главное – поместить в амулет кусочек плоти объекта, лучше всего локон, и аура носителя примет конфигурацию, соответствующую наибольшей привлекательности для объекта. Зелье в этой связке выполняло вспомогательную роль, влияя на запах тела, делая его возбуждающим... скажем так, аппетит. При этом капать надо отнюдь не в бокал объекта, а исключительно в свой собственный – запах-то чей подделывать требуется? Вот именно! А что толку менять запах самого объекта? Теоретически он сам себе и так должен нравиться. Хотя, пожалуй... интересно, влюбится объект в самого себя или нет? А если влюбится, то в чем это выразится? Как он сам себя целовать-то будет в «уста сахарные»?

Эта мысль меня немного рассмешила. Не образ парня или девушки, страстно целующей зеркало, а эти самые сахарные уста из сказок. Там герой, задушив горного великана косынкой спасаемой дамы сердца, целует ее именно в «уста сахарные». Понятно, что речь на самом деле идет о вкусе, но если прикинуть на вид... Я знаю только белый, желтый и коричневый сахар. Что-то не просыпается лично у меня энтузиазм целовать девушку в эдакие губищи, присущие скорее несвежему зомби.

Через пару дней капать в бокал уже не потребуется, но заряжать накопитель амулета раз в месяц или два все-таки придется, поскольку стойкость эффекта напрямую зависит от частоты встреч. Так что, скорее всего, ежемесячно. Другое дело, что аура – штука изменчивая. В частности, Ворука на основе многолетних наблюдений за супружескими парами основных рас пришел к выводу, что с течением времени ауры супругов меняются, подстраиваясь друг под друга, и тем успешнее, чем большее участие в этом процессе принимают оба супруга. Разумеется, воздействуя не напрямую, а вырабатывая понимание и доверие друг к другу, идя на компромиссы, подстраиваясь и подлаживаясь, то есть фактически, что называется, сживаясь друг с другом. При неудачном браке наблюдается, наоборот, расхождение признаков совместимости.

Таким образом, со временем образец в амулете необходимо менять на более свежий, чтобы подстроить собственную ауру под изменения в объекте.

Я-то поначалу думал сделать универсальный амулет, способный действовать без образца (локона), но все оказалось настолько индивидуальным, что мне пришлось отказаться от этой мысли.

Объектом для «полевых» испытаний я выбрал девушку, которая даже не улыбнулась мне ни разу. Не скажу, чтобы дворцовые красавицы все без исключения доброжелательно скалились мне, но явной неприязни в большинстве своем ко мне не проявляли, а некоторые, вероятно, были бы не прочь кое-что, если бы я хоть попытался «подбить к ним клинышки». Эта же красотка смотрела так, будто видела перед собой омерзительную жабу, а не меня. Да и, согласно усвоенным теориям, у нас с ней была идеальнейшая... несовместимость.

Не буду рассказывать подробности, но, во-первых, меня откровенно стала избегать Лизара, с которой в последний месяц, как мне казалось, стал налаживаться кое-какой – вот именно, что кое-какой, – контакт. Набравшись храбрости, я робко у нее спросил – верх смелости для меня, – что со мной не так. Она поморщилась, но ответила. Сказала, что вонять от меня стало, как от старого козла в волчьей шкуре, а от всей фигуры прет такая волна злобной энергии, что она теперь боится, как бы я не побил ее, варварски намотав косы на руку, и не изнасиловал в ближайшем темном углу. Зато, во-вторых, испытываемая, напротив, прониклась ко мне нежными чувствами, выразившимися в том, что она затащила меня в какую-то каморку и с рычанием голодного льва попыталась раздеть методом растерзания материи панталон. Пришлось срочно деактивировать амулет, постыдно бежать и недельку прятаться, пока настройки запаха не придут к изначальным, чтобы уж полностью вернулась наша несовместимость. Ну не хочется быть изнасилованным. Хотя... может, мне понравилось бы? В общем, при встрече через недельку она посмотрела на меня, как и прежде, с омерзением, но и с некоторым недоумением: чего это на нее не так давно накатило?

Честно скажу – такие манипуляции с людьми меня не вдохновили. Все-таки это, как ни назови, хоть, например, повышением индивидуальной привлекательности средствами магии, все равно будет обманом. И сравнение с боевой женской раскраской, украшениями, духами, платьями, туфлями на высоком каблуке, вроде бы служащими той же цели, на самом деле неуместно. Все эти ухищрения видны не только магам, в отличие от амулета. Под платьем амулет разглядеть и разгадать, для чего предназначен этот медальончик с локоном, только опытный маг сможет, и то в состоянии магической концентрации. А в таком состоянии постоянно не ходят. Это все равно что на руках прогуливаться и удовольствие получать. О последствиях тоже не мешало бы подумать. То, что, очень возможно, со временем у такой привороженной пары «стерпится – слюбится», не удаляет полностью налет некоего мошенничества.

В общем, закинул я амулет в ящик лабораторного стола и забыл о нем на долгое время. Однако проблема как была, так и осталась.

Помогла, как ни удивительно, снова Караса. Она подошла ко мне во время очередного приступа уныния, свойски чмокнула меня в щеку, хотя наш бурный роман закончился через три недели, как начался, и сказала, что знает один рецепт, с помощью которого я смогу преодолеть свою робость. А именно – курсы лицедейства и актерского мастерства. Дескать, не обязательно потом перебираться в театр, главное, научиться вести себя более раскованно и не бояться выступлений на публике. Если я когда-нибудь стану преподавателем, мне это тоже, без сомнения, поможет. Она сама проучилась на таких курсах с полгода и знает, о чем говорит. Благодаря им она, собственно, и смогла выдержать отбор во дворцовые служанки. А он был очень непрост. Умение держать себя прилюдно сыграло не последнюю роль.

Я тут же вдохновился, в свою очередь, чмокнул Карасу и чуть ли не бегом побежал к мастеру. С кем еще можно посоветоваться и как правильно выбрать курсы, если даже Караса ничего не могла посоветовать, поскольку училась в провинции?

Трумара в лаборатории не было, зато Аримил опять что-то толоч и смешивал. Отношения с ним у меня довольно быстро наладились. Он оказался совсем не заносчивым и высоко-

мерным, как мне показалось при встрече, а вполне доброжелательным парнем. Подмастерье даже признался, почему так меня встретил. Всего лишь побоялся, что я буду конкурировать с ним за лабораторию и внимание учителя. А когда понял, что у меня действительно есть своя лаборатория и мастера я беспокою – удивительно для «удава» – крайне редко, совсем оттаял. Окончательно же сменил гнев на милость после того, как я помог ему с расчетами одной штуковины, над которой он долго бился. Аримил, конечно же, мог попросить помощи у учителя, но тут было дело принципа – он хотел сам понять, в чем там загвоздка. Ему как раз понравилось, что я тоже не стал делать все за него, а по училищной привычке – немало превосходников просили меня помочь в свое время – стал наводить его на мысль, раскладывая задачу «по полочкам». К решению он пришел сам, и оно было истинно его.

– Ну чего приперся? – манеры, к сожалению, у парня остались прежними, однако я привык.

Делать в ожидании мастера было все равно нечего, и я рассказал все как на духу.

– Девок, значит, соблазнять собрался.

Не понимаю, чего он хмурится. Нет. Не просто хмурится – он в ярости.

– Аримил, я понимаю, что у тебя таких проблем нет – девчонки сами мучаются, как бы тебя в койку затащить. Но мне-то с моей внешностью как быть?

– А что не так с твоей внешностью? Одни лучистые глаза чего стоят!

– Ехидствуешь?! Глаза. Что глаза? Я и сам не знаю, какого они цвета, а ты – «лучистые».

Хочешь поиздеваться – придумай что-нибудь получше.

– Ну-ка, ну-ка...

Аримил подошел ко мне вплотную и всмотрелся. Я вдохнул его запах...

– Аримил! Скажи честно.

– Что?

– Как вам, эльфам, удастся так приятно пахнуть? Прямо сосновый бор знойным полднем.

Обалдеть!

Аримил вдруг отшатнулся от меня, засмутился, покраснел, будто я ему невесть какой комплимент выдал, и, не отвечая, задал встречный вопрос:

– А... а почему ты решил, что я эльф?

– Ну, я не девушка, чтобы говорить тебе комплименты, но все-таки среди людей такими красивыми редкие девушки бывают, зато эльфы сплошь и рядом. Логично? Назвался бы ты Аримилой, я бы решил, что – эльфийка. Однако, если с трудом, но я могу как-то объяснить, что делает у человеческого мага мужчина-эльф, то уж что делает эльфийка, совершенно не представляю... Логично?

– А, ну да... – завороченно слушавший меня парень словно опомнился и непонятно протянул: – Ло-о-огик.

– Что-то неправильно?

– Нет-нет. Все так. Ладно. Я знаю, как тебе помочь. У меня есть знакомый директор подходящих для тебя курсов, только ты ему ничего про меня не рассказывай. Уговор?

– А чего рассказывать? Он небось побольше моего о тебе знает. Я и вижу-то тебя очень редко. Откуда приходишь, куда уходишь, кто ты вообще...

– Я не хочу, чтобы он знал о моих занятиях здесь. Не хотелось бы распространяться почему-отчего...

– Хорошо. Как скажешь.

Аримил быстро нацарапал записку и, не запечатывая, протянул мне.

«Уважаемый ньор директор. Прошу вас по возможности принять на обучение подателя сего, мастера магоконструирования Гаррада».

Вместо подписи была какая-то закорючка, похожая то ли на стилизованную букву «А», то ли на «Л».

– Курсы находятся на Пушечной аллее, дом семнадцать. Отсюда пятнадцать минут хода. Найдешь. Ну, иди. Учись.

Он улыбнулся так, будто приготовил мне какой-то хитрый подвох. Так оно и было, но вот в чем он заключается, я сначала не понял.

Трехэтажный дом в небольшом тенистом парке распахнул мне свои объятия в виде весело скалящегося привратника двухметрового роста, больше похожего на отставного гвардейца, чем на лакея в энном поколении. Глянув на записку, он почтительно согнулся в поклоне и подробнейшим образом объяснил, где находится кабинет директора.

Представительный мужчина с аккуратной, даже щегольской, бородкой и усиками – не актер, стало быть, – оказался на месте и принял меня сразу же. Прочитав записку, открыл сейф у себя за спиной, достал папочку, аккуратно и вроде даже почтительно вложил в нее записку, папочку снова убрал в сейф, а тот закрыл на ключ.

– Что ж, ньюр Гаррад. Мы рады приветствовать вас в нашей мастерской «Четыре стены». Возможность принять вас у нас имеется. Занятия, правда, уже начались, но вы, я уверен, быстро нагоните. График очень напряженный. Занимаемся практически без выходных шесть часов в день по вечерам. Весь двухгодичный курс стоит двадцать золотых, если готовы оплатить сразу, или по одному золотому в месяц. Прошу ознакомиться с программой и сообщить мне ваше решение.

– Простите, а почему «Четыре стены»?

– Ох, это вы меня простите. Я уже привык, что к нам поступают заядлые театралы, которые сами хотели бы оказаться на сцене, и я не думал... В общем, все объясняется просто. В отличие от школ классического театра мы проповедуем, если можно так выразиться, стиль естественного поведения на сцене. Только правда жизни! Актеры должны как бы отгораживаться от зрителей четвертой стеной комнаты и действовать так, словно никаких зрителей нет, а они просто живут. Наши декорации также максимально соответствуют настоящим объектам природы. Минимум условностей, максимум натуральности.

– А-а-а... э-э-э... я вас правильно понял? Если герой или героиня пьесы должны справиться с нуждой, они снимут штаны или поднимут юбку и присядут прямо перед зрителями?

– Ну не до такой же степени, разумеется. Однако если герою по ходу пьесы надо выпить вина, он выпьет из настоящего кубка напитков, похожий на вино. Я понятно объяснил?

– Да. Благодарю вас.

Программа курсов меня поразила. Понятно, для чего там «актерское мастерство, пантомима, танец, вокал, сценическая речь, костюм, реквизит и формирование декораций». Но для чего «борьба, в скобках разные стили с пп и без пп; фехтование, в скобках все оружие; маскировка; наблюдение и сопровождение...» и много чего еще.

– Не удивляйтесь. Мы готовим синтетического актера, способного играть самые разноплановые роли, а для этого он должен быть всесторонне подготовлен. Очень часто к нам на спектакли приходят офицеры самых разных родов войск. Они могут быть снисходительны к актерам, но актеры хотя бы основы их службы должны знать. Иначе сложно включить зрителя в игру под названием театр, – немного патетически пояснил директор.

– Но фехтование для чего?

– Актер играет дворянина. Сцена дуэли. Он выходит к противнику, держа шпагу, как неопытная уборщица швабру. Вместо трагедии сцена превращается в фарс. Замысел режиссера и все труды коллег-актеров насмарку. Я понятно объяснил?

– Да-да. Благодарю вас. Вполне. А-а-а... что такое с пп и без пп?

– Что?

– Вот здесь. Борьба с пп и без пп.

– А-а... Это? Борьба с подручными предметами и без подручных предметов.

– Ну а это-то зачем?

– Три года назад делегация «Гоблин-опера» посетила спектакль, где по ходу пьесы ночной убийца должен прийти к герою и тяжело ранить его. После этой сцены делегация покинула зал и отказалась подписывать договор о сотрудничестве. У них вообще в оперу берут чуть ли не младенцев и всерьез обучают борьбе. Такая профанация, как у нас, по словам руководителя делегации, почтенного ФыРуСи, глубоко ранила их сердца. Они сочли для себя невозможным участвовать в подобном позорище.

И что я лезу со своими вопросами? Точно так же этот дядя мог бы пристать ко мне: а зачем, дескать, алхимия и математика для магического конструирования?

Я закивал, и, видимо от трясения мозгов, все встало на свои места. Вот в чем подвох оказался. Аримил явно прекрасно знал, что с таким-то графиком занятий мне будет просто не до девушек. Вряд ли останутся силы, да и возвращаться придется тогда, когда все порядочные девушки давно будут спать. А непорядочные – без партнеров не останутся и вряд ли станут «глазюшки свои проглядывать», не появилась ли моя кособокая тень на дорожке.

Уговорить себя мне удалось без труда. Стоило только пообещать самому себе бросить это дело, как только я научусь общаться с девушками более-менее гладко.

В группе вместе со мной были пять парней и семь девушек – тоже отличный повод изучить эти таинственные существа в их любимой среде обитания. Во всяком случае, все романы единодушны в том, что любая девушка – с младенчества прирожденная актриса. И даже дом свой они вольно или невольно стараются превратить в театр.

Что сказать? Поначалу, как и ожидалось, на сцену меня выталкивали пинками. Я стоял перед своими же товарищами и режиссером, что-то блял молодым козликом, таращился круглыми от испуга глазами в потолок, пытался ходить по сцене на нестигаемых ногах, словно на ходулях, прижав к груди судорожно сжатые кулаки.

Потом потихоньку дело пошло. Учили нас на совесть. Наставники частенько были похожи на актеров, как старый любитель пива на молоденькую балерину, и драли с нас три шкуры, выжимая пять ведер пота. Домой я возвращался поздно, ветром колеблемый и сухой, будто завалившийся за комод сухарь. Очень мне помогала в овладении новой наукой моя профессия. Что-то было схожее в том, как следует концентрировать внимание при конструировании артефактов и при надевании чужой личности. Разница только в том, что магия в основном ориентирована вовне, а актерское мастерство внутрь себя. Да и по остальным предметам многолетняя практика в концентрации внимания также приносила свои плоды.

Два года пролетели, как во сне. Реально отдыхать я мог только в рабочие часы, выполнив свою работу. Так что кровно был заинтересован в том, чтобы делать ее на совесть. Чем реже меня вызывают на ремонт или зарядку накопителей, тем больше времени я мог посвятить отдыху или очередным безуспешным попыткам понять записи отца. Ну, не понимал я, что он такое придумал. Во многом его работа опиралась на труды того самого Иохима, который создал легендарную «Звезду» и, по легенде, уничтожил все свои записи, как ненужный мусор. Ходили, правда, слухи, что есть тетрадь одного из учеников Иохима, где тот конспективно записал основные идеи учителя, но где она находится, никто не знает. Если предположить, что отец у кого-то ее купил, то это объясняет как наше быстрое разорение, так и его надежды на прорыв в области магического конструирования. Самонадеянность, я бы сейчас сказал. Судя по тому, что прошло столько времени, а ученик великого мастера так ничего и не добился, хотя напрямую общался с мастером и своими ушами слушал его объяснения, дело это очень непростое. Мне достались записи отца с его комментариями, возможно, к той самой тетради. Однако самого первоисточника не было. Высока вероятность того, что тетрадь погибла вместе с отцом.

Почему я не бросил курсы, как собирался? Сам не знаю. Наверное, скука и ежедневная дворцовая рутина подтолкнули меня к продолжению занятий. В мастерской было интересно. С однокурсниками мы сдружились, а с некоторыми девушками стали – временно, конечно –



гораздо ближе, нежели предполагают просто дружеские отношения. На курсе царил дух праздника и веселья. Трудные задания наставников, а у нас были признанные мастера – звезды столичных театров, – пробуждали азарт и желание выполнить их как можно лучше. Не скрою, в первый раз в облике спившегося плотника я шел в харчевню, где в основном собирались люди этой профессии, испытывая нешуточную слабость в коленках. За настоящего плотника меня там все равно не приняли, посмеялись и, узнав, что я не шпион, а просто учусь на лицедея, рассказали, что было не так, и даже пригласили к себе понаблюдать за их работой, дабы я больше не путал походку кузнеца с походкой плотника. Урок был действенный, и я тогда понял, наконец, зачем в программе обучения были столь странные для актера предметы.

Выпускные экзамены для меня прошли весело и совсем не страшно. Не сказать, что мне было все равно, но менять профессию я не собирался, а то, что хотел, уже получил, поэтому считал: дипломом больше, дипломом меньше... Возможно, отсутствие страха и благоприобретенный кураж сказались положительно при исполнении экзаменационных этюдов. После экзаменов я и еще шестеро выпускников получили приглашения в театры столицы. Все, кроме меня, с удовольствием приняли его. Я отказался, поскольку свою нынешнюю профессию любил и не терял надежды когда-нибудь разгадать записи отца.

В последующие полгода или больше я наверстывал то, что пропустил во время учебы, благо «юбок», не желающих быть пропущенными «милым мальчиком», во дворце хватало: горничные, прачки, камеристки, фрейлины и... гости. Баронессы, виконтессы, графини частенько тоже бывали не прочь развеять скуку с молодым мастером-магом, выглядевшим мальчишкой максимум пятнадцати-шестнадцати лет, но таким куртуа-а-а-азным... А я всего лишь использовал свои новые знания и начинал играть роль сердцееда, как в этюдах мастерской. К моему удивлению, прием срабатывал практически всегда. Говори много-много комплиментов, веди себя с девушкой, как с богиней, будь уверен в себе – атакуемые это тонко чувствуют и непременно снизойдут. А что делать? Тяжелое детство – деревня... Игрушки были по большей части тряпичные – отца-столяра у меня не было, а мать умела немного шить. В общем, я пил вино блаженства полной чашей, иногда приползая чуть ли не на четырех косточках в свои апартаменты. Бывало, и выпроваживал из своих... воздушным поцелуем, не в силах встать с постели.

Однажды я получил из дома письмо от сестры. Обычно мы переписывались с матерью. Она мне сообщала скудные новости нашего городка и как продвигается учеба у сестры, а я ей самый минимум о себе. Ну не люблю писать письма. О чем там говорить? О работе? О девушках? Первое ей непонятно, а о втором говорить пока рано. Нет ведь ничего серьезного. Так вот. Послание от сестры меня удивило – она, как и я, тоже «большая любительница» писем. Но здесь повод был достаточно серьезный. У матери стали отказывать ноги, а целитель запросил пятнадцать золотых, обещая полное исцеление, если сделать операцию в течение трех месяцев. Меньше взять за свои услуги он никак не мог – гильдия целителей, мягко говоря, не поняла бы такое нарушение гильдейского закона о ценах на услуги. Сестра ничего не просила и написала только затем, чтобы я знал действительное положение вещей, хотя мать была категорически против.

Деньги нужны были срочно и много. Несмотря на то что я немного успокоился и стал гораздо меньше тратить на девушек, но зато чаще гулял по столице, посещал платные парки, музеи, покупал книги по специальности, хотя ничего полезного в них уже давно не находил, но вдруг... и ради этого «вдруг» я их и покупал. Питаться, будучи в городе, приходилось в дорогих ресторанах и ресторанчиках – Трумар категорически запретил даже заглядывать в дешевые обжорки, «дабы не дискредитировать звание дворцового служащего, а тем более мастера магического конструирования». Вот и приходилось за чашечку чая с булочкой платить столько, сколько в нормальном трактире за полноценный обед. Я, разумеется, старался в городе не обедать, но если гулять с утра, то к вечеру уже кишки к позвоночнику прилипают. Сам понимаю,

что зажрался, но к хорошему и особенно к искусству нашего повара привыкаешь очень быстро. Толстым я все-таки не стал и... высоким тоже. Хотя говорят – это дело наживное. Я – про «высоким». Вроде люди до двадцати пяти лет продолжают расти, а уж теперь-то, с полноценным питанием, я просто обязан достичь хотя бы верхней границы среднего роста. Немало денег уходило также на поддержание «надлежащего внешнего вида»: костюмы, рубашки, манжеты, носки, башмаки, душистую воду и мыло.

Таким образом, ну никак у меня не получалось при столичных тратах отсылать домой больше полутора золотых. Иногда, правда, перепало кое-что от гостей экс-монарха за мелкий ремонт их амулетов и артефактов, но довольно редко. Основная масса заказов закономерно шла Трумару как признанному грандмастеру, а не мне – недоучке. Мне доставались сущие крохи, которые я также отправлял домой. По расчету получалось, что требуемую сумму мы сможем накопить не раньше чем через десять месяцев, если ни медяшки не тратить. А как не тратить, если мелкой требуется в старших классах все больше, а у матери в связи с болезнью клиентов все меньше?

Занять мне не у кого. Подработать на стороне негде. Осталось что-то продать, но, кроме как самого себя в рабство, ничего на ум не приходило. Так и ходил я с неделю, весь свой «могучий» разум направив на решение этой задачи, пока не получил вызов в апартаменты графа Вантского. Это был старый безобидный маразматик, служивший верой и правдой еще отцу экс-монарха, но и с сыном находившийся в дружеских отношениях. Он в противоположность остальным старикам обожал прохладу и свежий воздух, поэтому очень трепетно относился к работе артефактов – охладителей и освежителей воздуха. Меня в течение его срока проживания уже более трех месяцев раз десять звали к нему перенастроить артефакт-охладитель. То ему было слишком жарко, то холодно, то воздух, на его взгляд, не соответствовал морскому, то, наоборот, горному. В общем, практически раз в неделю я ходил к старому графу как по расписанию и без истерик или какого-либо недовольства, что, видимо, очень нравилось графу. Он не хотел меня отпускать и, как правило, долго и много рассказывал о былом. В этот день он встретил меня чуть ли не со слезами на глазах.

– Снова охладитель барахлит, ньор? – привычно осведомился я, на что получил ответ, удививший меня:

– Нет, юноша, охладитель в порядке. У меня беда приключилась. Сломался мой любимый артефакт, доставшийся мне еще от деда. Семейная реликвия. Работа самих, – он воздел палец к потолку, – таинственных шируши!

– Ши...

– Шируши, юноша. Шируши! Говорят, сами себя они называли довольно труднопроизносимо: сссшшишируссссшшишии.

– Никогда о таких не слышал, – честно признался я.

– А почти никто и не помнит уже, что такие были. Я сам, а прожил я уже немало лет, слышал о них только от своего деда. Жили они там, где сейчас пустыня... на северной границе нашего королевства. Или южной со стороны приморского княжества. Не помню. Спорная и никому не нужная территория, ибо не живет там никто после их исчезновения.

– А что с ними случилось?

– Дед и сам не знал. Не в его времена все это происходило. Одни говорят, что передрались они друг с другом, а маги были могучие, умелые, вот и перебили все живое вокруг, в том числе и себя. Другие говорят, что ушли в иные миры. Кто знает?

Дед по-стариковски пожевал губами и надолго замолчал. Я не решался прервать его размышления, сел в кресло и снова стал думать, где взять деньги.

– От шируши осталось не очень много амулетов. Семьи, где они хранятся, строжайше берегут тайну, поскольку их стоимость столь велика, что жадные люди не остановятся ни перед чем, чтобы заполучить хотя бы один. Тебе я рассказываю потому, что... ах, да какая разница.

Трумар не смог исправить, а тебе тоже вряд ли удастся. Неработающий же амулет представляет собой только историческую ценность.

– Значит, я ничем не смогу помочь?

– Боюсь, что так, юноша.

– Тогда я пойду?

– Как?! – граф, несмотря на свое воспитание, даже вытаращился на меня, словно простолудин. – И ты не захочешь хотя бы взглянуть на него?!

– Вы же сами говорите, что грандмастер не смог ничего сделать, почему вы думаете, что я с моими скромными познаниями...

– Даже величайший мастер... да-да, я еще не совсем омаразмел, чтобы забыть вашу иерархию... Даже величайший вряд ли что-то может сделать, но бывает, что новичок свежим взглядом, так сказать... Ну или посмотреть на него хотя бы как на историческую ценность. Неужели тебе настолько нелюбопытно?

– Вообще-то я не увлекаюсь антиквариатом, – забормотал я смущенно в свое оправдание. – Да и про этих...

– Шируши.

– Да, шируши, узнал только что от вас...

– А как же профессиональное любопытство?

Оказывается, граф очень непрост. Очень. Если бы не мысли о деньгах, я бы никогда не упустил возможность посмотреть на работу мастеров, труд которых и в наше время очень ценится.

– Не надо оправдываться, – с коротким стариковским смешком остановил граф мои готовые быть произнесенными оправдания. – Я вижу, мысли твои, юноша, в настоящее время далеки от работы. Что-то тебя гнетет. Не поделишься со стариком?

Я в двух словах описал ситуацию с матерью и целителем, твердо про себя решив, что ни в коем случае занимать у графа не буду. Ну, разве что под небольшой процент и с рассрочкой на два года минимум.

– М-да. Ситуация неприятная. Юноша из хорошей семьи без денег. Увы, такое бывает, и довольно часто.

– А почему вы решили, что из хорошей семьи? У меня мать – прачка.

– Кто она сейчас, не имеет значения, а кем была – очень даже имеет. Ты не умеешь прятать свое воспитание. Уверен, что и за столом короля ты не запутаешься, какой вилкой колоть устрицы. Шучу. Но тем не менее этикет в тебя вдолбить успели. Впрочем, не важно. Главное, я никому не даю в долг и сам не беру. Таковы мои принципы. Однажды пришлось занять, так эти кровопийцы ростовщики чуть все графство у меня не оттяпали. С тех пор я поклялся – не брать и не давать.

Я не был так уж разочарован, поскольку не очень-то и рассчитывал на графскую благотворительность, но сердце все равно тоскливо екнуло. А старичок продолжил:

– В долг я не дам, а вот... заплатить за работу по ремонту амулета мог бы себе позволить, учитывая, что пятнадцать золотых по сравнению с его стоимостью – это такая мелочь...

– Кх-гм, – что-то у меня в горле пересохло. – А можно все-таки взглянуть?

Сказать по правде – надежды отремонтировать то, от чего отказался мастер Трумар, действительно очень хороший мастер, у меня практически не было, но, трамбирамаксапаратам, попытаться я был просто обязан.

– Ну вот и отлично.

Старичок проковылял к дверце сейфа – такими встроенными хранилищами были оборудованы все комнаты дворца, предназначенные для проживания высокопоставленных гостей, мои в том числе, – и достал небольшую шкатулку, где на бархатной подушечке лежал тонкий, простой на вид браслет из белого металла.

– Вот он. Что он делает – не скажу. Сам определишь – твое знание будет. Нет, так и знать тебе незачем.

– Я могу забрать его в лабораторию? – спросил я. – Может, я вижу сложности там, где их нет.

– Разумеется, нет, юноша. Эту комнату он покинет только вместе со мной. Если тебе нужны инструменты, то их доставят прямо сюда. Я распоряжусь.

Ничего пилить, строгать или травить кислотами я не собирался, поэтому просто придвинул кресло поближе к столу и углубился в изучение встроенных контуров.

М-да. Разглядев повнимательнее начинку амулета, я хотел сразу отказаться от ремонта и поискать более простой путь добычи денег – например, ограбить королевскую сокровищницу. Такого сложного переплетения магем я еще нигде не видел. Да-да, их там было превеликое множество, и все они были связаны в единую структуру по неизвестному мне – надеюсь, пока – принципу. Магема обычно объединяет целый набор элементарных контуров, выполняющих некоторые простые действия с реальностью в заданной последовательности и с требуемой мощностью. Я старательно загнал в угол сознания, самый дальний и темный, мысль о том, что не справлюсь, и вывел на передний план другое соображение: когда мне доведется и доведется ли вообще увидеть такой амулет? В существование мифических шируши, сгинувших невесть когда и где, я не очень-то поверил, но то, что этот браслет изготовил великий мастер, сомнений у меня не вызвало. Во всяком случае, упустить такую возможность чему-то интересному поучиться я не мог и не хотел. К тому же мне обязательно надо было отвлечься, поскольку мысли «как достать деньги?» двигались уже по третьему кругу, а никакого приемлемого выхода не наблюдалось.

Короче говоря, я плотно засел за браслет. По распоряжению графа мне приносили еду в его апартаменты и не беспокоили ремонтными работами. Дни шли за днями, и постепенно я стал все лучше понимать структуру магем и контуров. В этом, как ни странно, мне помогли записи моего отца, которые я долго и безуспешно пытался до этого понять. Отец тоже занимался магоконструированием и был на пороге открытия.

Примерно через две недели я стал многое узнавать в магемах и особенно в управляющих контурах. Здесь был целый их сборник. Они никак не воздействовали на реальность, а исключительно управляли работой других. Меня восхитило, например, как с помощью управляющего контура многократно выполнялся один и тот же контур, каждый раз с новыми параметрами. Нас же учили так: для того чтобы осветительная палочка мигнула пять раз, в магему необходимо прописать пять контуров, реализующих по одной вспышке. Здесь же надо было прописать всего один, но заключить в контур, который заставит ее сработать пять раз. Можно указать другое количество или вообще поручить другому контуру вычислить потребное число раз. Какой огромный простор для создания амулетов даже с парой этих контуров открывается! У меня аж дух захватило. Это же простой человек сможет указать амулету, сколько раз он, например, должен мигнуть. Ой, не зря я все-таки взялся за эту работу. Ой, не зря!

Возвращаясь поздно к себе в лабораторию, я еще пару часов сидел и переносил магему за магемой, контур за контуром, все, что запомнил, в специально созданный артефакт, чтобы иметь возможность в любой момент вернуться к изучению этого шедевра конструкторской мысли.

За две недели напряженной работы я так и не разобрался в хитросплетениях силовых линий браслета и совсем было решил отступить, как заметил неправильность в одном из уже знакомых управляющих контуров. Он отвечал за выбор того или иного исполнительного контура в зависимости от состояния специальной магемы, которая «умела» только изменять свое состояние и хранить это изменение в себе. Причем расположен этот контур был непосредственно у внутренней поверхности браслета, где его контакт с кожей наиболее плотный.

Видимо, специальная магема как раз и определяла какие-то параметры кожи, а управляющий контур запускал на выполнение исполнительные.

Страшно было вносить изменения в такое вот чудо – а вдруг я ошибаюсь и ничего такого там нет? С другой стороны, амулет все равно не работает. Эх, была не была! Я осторожно, чуть дыша, восстановил структуру и, заблокировав остальные участки, направил слабенький поток энергии. Ее свободная циркуляция показала мне, что здесь теперь полный порядок.

Весь бледный от волнения и шатаясь от слабости, я встал из-за стола. Граф, тихо сидевший в дальнем углу кабинета с книгой на коленях, мгновенно встрепенулся и вопросительно посмотрел на меня.

– Я сделал, ньор. Все, что мог. Если у меня не получилось, большего сделать я не смогу.

– Ты разобрался, что он делает?

– Нет, ньор. Но я, кажется, уловил, где дефект, и постарался исправить его. Что получилось – судить вам.

– Хорошо. Можешь быть свободен. До конца дня ты еще в моем распоряжении. Иди отдыхай. Я проверю амулет и, если все в порядке, отдам тебе оговоренную плату.

Вернувшись в свои апартаменты, я прямо в одежде рухнул на кровать и заснул беспробудным сном.

Проспал до обеда следующего дня. Никто меня не беспокоил. «Крикун», магический переговорник голосовой связи, молчал, словно во дворце больше ничего не ломалось и мои услуги никому не требовались. Спокойно умывшись, почистившись и причесавшись, я сбежал на кухню и поел прямо там... сразу за пропущенный ужин, завтрак и полдник – куда только влезло? – и пошел к Трумару.

Визит к мастеру пришлось, однако, отложить, поскольку за дверью меня дожидался лакей с просьбой ньора графа первым делом навестить его. Лакею было приказано не мешать мне приводить себя в порядок.

– Что ж, юноша, амулет работает как новенький! – граф сиял, как начищенный серебряный. – Он так четко не работал уже много лет! Ты настоящий грандмастер! Разобрался в его предназначении?

– Увы, нет, ньор.

– Ну, это к лучшему. Я так считаю. Однако я вызвал тебя не только для того, чтобы заплатить за услугу, но и предупредить. Вот, кстати, чек банка гномов Скалаломакиных, его филиалы есть везде и в твоём городе тоже, я специально справлялся. А теперь, юноша, как ты считаешь, о чем я хотел с тобой поговорить?

– Вероятно, о том, чтобы я держал в тайне существование амулета, а тем более его ремонт.

Граф одобрительно кивнул, а я добавил:

– Да и какой может быть ремонт того, чего нет?

– Ты оправдал мое мнение о тебе. Молодец. Не только воспитанный, но и умный. Это хорошо. Если сможешь накопить достаточно денег, а почему-то я не сомневаюсь, что у тебя получится, то обращайся. Буду жив – помогу с твоим главным делом.

Намек старика я понял, только в отличие от него не считал это дело главным в своей жизни. Впрочем, может быть, со временем я перемену свое мнение, поэтому ничего не сказал на его предложение и просто поклонился с большим уважением. И почему прислуга зовет его старым маразматиком – не понимаю. Его разум даст сто очков вперед даже самым умным из лакеев. Будто подслушав мои мысли, старик захихикал:

– Меня считают старым маразматиком – ну и пусть себе. Мне это только на руку. Ты не представляешь, юноша, насколько проще ориентироваться в обстановке и реализовывать свои планы, когда тебя никто всерьез не воспринимает. Так вот! – он поднял указательный палец вверх в знак особого внимания. – Ты все это время работал над ремонтом вот этого перстня, –

значит, не только знак внимания, но и еще перстень с крупным рубином на пальце имеет значение. – Будут спрашивать, почему так долго, говори: капризы старого идиота. Не спорь и не деликатничай. Именно так. Говори про меня гадости, не стеснясь. Я переживу. Сохранение родовой тайны гораздо важнее. Говори, что заставлял тебя по десять раз переделывать работу. Дескать, достал капризами... и так далее и тому подобное.

Тут у меня легкий морозец по коже пробежал: а ну как старик решит избавиться от юнца, узнавшего страшную тайну?

– Не бойся, убивать тебя никто не будет (он что, мысли читает?). Это просто нерационально. Почему? Додумайся сам. Голова у тебя неплохо варит. Но одно соображение я тебе все-таки приведу. Если у меня еще что-то сломается, ты ведь не откажешься помочь? Где я еще найду мастера, способного исправить амулет самих шируши?! Кроме того, если хочешь, я и другим владельцам амулетов шепну, что есть у меня такой мастер. Только вот лучше, поверь опыту старика, если никто не будет знать, кто ты такой, и все сделки проводить через меня. Согласен? Обещаю, что в оплате не обижу. Теперь могу признаться, что пятнадцать золотых за ремонт такого амулета – цена раза в три заниженная. Однако и ты еще не признанный специалист в этой области. Ну как? По рукам?

Я молча кивнул. Пересохшее горло не давало издать ни звука. Граф протянул мне руку, я ее пожал и, наконец, откланялся.

По дороге я обдумал, что скажу мастеру, но говорить ничего не потребовалось. Трумар известил только, что меня до сего дня не тревожили по просьбе графа, но теперь каникулы кончились и пора браться за работу. Он передал мне список неотложных дел и выпроводил за дверь. Аримил был здесь же, но никаких враждебных действий не предпринимал. Я сомневаюсь, видел ли он меня вообще. За все это время мы с ним пересекались не очень часто. Я у Трумара бывал довольно редко, в основном для консультаций по сложным вопросам или для получения очередного задания, выходящего за рамки обычных обязанностей по мелкому ремонту артефактов, Аримил появлялся у него по какому-то своему графику. Откуда он приходил и куда уходил, кто он, где учится или работает, я до сего дня так и не узнал, да, по правде, и не очень интересовался.

Больше девяти месяцев мне потребовалось, чтобы «родить» понимание принципов работы браслета графа. Это было... Грандиозно! Великолепно!! Фантастично! Несмотря на сложность понимания элементарных кирпичиков, из которых строилась система контуров, их связь и взаимодействие, создавать на ее основе амулеты и артефакты сделалось задачей если не простой, то довольно-таки рутинной. На первый взгляд при создании обычных, самых распространенных амулетов и артефактов с помощью системы шируши – существуют они или нет, не важно – магом в контурах и самих контуров получалось многовато, но это искупалось гораздо более широкими возможностями, которыми можно было наделить эти изделия, а также быстротой их изготовления. Опять же с помощью этой системы я создал артефакт, хранитель стандартных управляющих контуров, и уже его использовал в работе для переноса контуров из хранилища напрямую в предмет. Почему не получается прямое копирование контуров из амулетов и перенос в новую заготовку у наших мастеров? Да очень просто. Для копирования надо прочесть отдельный контур или несколько, сколько маг сможет удержать в сознании с предельной четкостью, затем вывести идеальный образ в реальность, совместить с той частью заготовки, для которой он предназначен, и, наконец, внедрить тем или иным способом. В случае ошибки или несоблюдения масштаба придется либо долго править, либо повторять процедуру заново. Затем следующий блок, потом следующий... А масштаб хоть на чуть-чуть, но обязательно не совпадет. Тогда начинается долгая и муторная подгонка и совмещение блоков. В то время как, повторяю, система шируши позволяла хранить в специальных контурах сами контуры, то есть скорее сведения о контурах в свернутом виде, и напрямую внедрять их в



заготовку, указав масштаб, последовательность и связи. Тоже не «одной левой», конечно, но скорость создания нового амулета по образцу возрастала в разы.

Очень долго я размышлял, рассказать все Трумару или нет. Приятно, разумеется, услышать в свой адрес похвалу – ах, какой я умный... дурак – но что дальше? Трумар – человек хороший, однако среди великих и величайших наверняка найдутся такие крысы, кто постарается присвоить все себе, оставив меня в прежнем положении, то есть я как был мастером четвертой категории, так им и останусь. Ни дохода, ни славы. И за что тогда погиб мой отец, за что мать столько лет работала прачкой, вытягивая из болота нищеты нас с сестрой? А вот фиг им всем, да по всей морде. Спасибо тебе, неизвестный ученик, за рассказ об украденной идее – твой горький опыт послужил мне хорошим уроком.

Я решил никому ничего не рассказывать и работать, как работал. То, что будет явно выходить из моих рук, так и будет соответствовать моему рангу, а то, что тайно... Вот тут придется опять же хорошенько подумать, как заработать и не попасться акулам из патентного бюро. Кстати, вспомнились шируши и рассказ графа о ценности их амулетов. Что-то в этом есть.

## Глава 4

### Аримил

Утром я нежным поцелуем выпроваживал за порог баронессу Х., наивную и мечтательную девушку, которой в ее далекой провинции подружки вбили в голову, что, не переспав со столичным вельможей или, на худой конец – хм... как-то двусмысленно звучит – магом, она не сможет считать свою миссию выполненной. В темном углу коридора заметил какую-то тень, но не придал ей значения. С баронессой мы приятно провели сладких три ночи, завтра она уезжала, и мы вынуждены были расстаться. Она явно увозила с собой только приятные впечатления и на меня не обижалась, так как знала, на что шла, а я как-то не задумывался о современных тенденциях в области молодежной морали, чтобы переживать на тему, обязан я на ней жениться после всего, что было, или нет. Хотя если каждый раз задумываться об этом, то переживалки точно на всех не хватит. Не надо, однако, думать, что после курсов девушки падали в мою кровать, как спелые груши в корзину. Отнюдь нет. За все время более-менее постоянных любовниц у меня было всего три. Не считать же две-три ночи с гостями за нечто серьезное? Так, любовное приключение и ничего более. Перебесившись, я стал относиться к постельным утехам как к приятному, где-то необходимому, но совершенно ни к чему не обязывающему времяпровождению. Как пишут в романах, любовь еще не постучалась в мое сердце. Правда, логика подсказывает, что стоит только в сердце чему-то там застучать, надо срочно бежать к целителю, а не в храм Творца, прорываясь к алтарю с девицей на буксире.

Утро было раннее, и у меня еще оставалось минут семьдесят на поспать, но тут раздался тихий стук в дверь. Зевая во всю пасть, я открыл и на пороге с удивлением увидел Аримила. Тот стоял бледный, с красными от недосыпа глазами и почему-то сверлил меня злобным взглядом.

– Что, Гаррад, еще не весь дворец перетрахах?! – по-змеиному прошипел он.

Я был в благодушном настроении, расслабленный и сонный, поэтому не стал в ответ говорить гадости:

– Ах, Аримил, не надо. Ты меня совсем захвалишь, – при этих словах глаза парня стали во все лицо. – Где мне с моей внешностью с тобой тягаться. Девушки просто скорбят, что не могут почему-то быть с тобой, вот и кидаются в отчаянии на более-менее молодой объект. Впрочем, я за тобой не подглядывал. Я даже не знаю, где твои апартаменты. Может, из них по три сразу утречком выбегают.

– Я-а-а-а-а?! С-с-с-с девушшшшшками?!!

– А что, предпочитаешь мальчиков? Вы, эльфы, все со странностями.

Меня откровенно удивило поведение эльфа. Я уже много раз рассказывал ему о своих похождениях, делился впечатлениями, рассказывал о наиболее эффективных методах охмурения. Аримил недоверчиво хмыкал, занимаясь своим делом, но слушал все-таки внимательно. Такое впечатление, что все мои рассказы он воспринимал как мальчишеское хвастовство, но, увидев девушку, выпархивающую из моих апартаментов, вдруг осознал, что все было правдой. И эта правда ему почему-то очень не понравилась.

Он снова фыркнул, предельно презрительно и высокомерно. Можно сказать, уничтожающе, но тему развивать не стал. Но вдруг глаза его подозрительно блеснули, и он томным голосом произнес, буквально подкрадываясь ко мне, словно кот на охоте за жирной мышкой.

– Мнда-а-ау... – совсем по-кошачьи промурлыкал он. – Ма-а-а-льчики! Это такая прее-елесь!

Я от неожиданности отпрыгнул.

– Эй-эй! Ты давай не дури, Аримил! Что на тебя нашло?! Чего пришел-то? – поспешил я перевести разговор на другую тему.

– Знаешь, я пришел к тебе за помощью, ты же все-таки мастер, хоть и низшего ранга.

Все-таки попытался подкусить. Не удержался. Ну и что? Звания и категории, как нам говорил в свое время один преподаватель в нашем училище, сбежавший от столичных интриг, ничто, если ты настоящий мастер. Настоящий мастер никогда не останется без работы.

– А у Трумара, учителя своего, почему не хочешь спросить?

– Дело в том, что я хочу сделать подарок одной своей знакомой...

– Ага-а-а! Знако-о-омой!

– Это совсем не то, что ты думаешь!

– А вы, эльфы, и мысли читать умеете?

– Тьфу! Гаррад! Ты можешь меня выслушать спокойно?!

Видимо, парня здорово что-то допекло, раз не ошетиливается – ну разве чуть-чуть – и не пытается ударить меня чем-нибудь тяжелым по голове, хотя таковое желание явно чувствуется.

– И что же ты хочешь подарить своей знакомой?

– Фонарь.

– Фонарь?

– Да. Фонарь, но не просто фонарь, а такой, который может светить как прожектор и как обычный фонарь. То есть чтобы можно было переключать из прожектора в светильник и обратно.

Задача, конечно, нетривиальная. Если использовать принцип механического прожектора с набором изломанных зеркал, то конструкция получится очень тяжелая и ненадежная. Следовательно, роль зеркал должны выполнить магемы. Сворачиваем магемы зеркала, получаем светильник. Разворачиваем – прожектор.

Мы плотно засели за расчеты и проектирование артефакта. Через два часа споров и половины пачки изгаженной бумаги начало что-то вырисовываться. Под конец расчетов Аримил сидел, тесно прижавшись ко мне плечом. Я вдруг спохватился и с испугом отодвинулся от него. Эльф усмехнулся, посмотрел на меня, призывно прикрыв глаза, и провел языком по губам. Я содрогнулся, а тот явно получал удовольствие от спектакля.

– Ну что же ты, малыш? Иди ко мне.

– Слушай, Аримил, будешь приставать – выгоню на фиг из лаборатории и помогать тебе больше не буду.

– Ладно, успокойся, – обычным тоном отреагировал Аримил на мою угрозу. – Ты не в моем вкусе. Давай лучше доделаем работу.

Когда мы закончили, эльф смущенно попросил меня сделать сам артефакт:

– Понимаешь, Гаррад, ты все-таки мастер. Я тебе заплачу. Сколько скажешь заплачу. Хорошо?

– Хорошо. Только платить не надо. Какие могут быть счета между друзьями?

Через три дня я принес готовый артефакт в лабораторию Трумара. Ни мастера, ни Аримила там не было. Я оставил записку для парня с просьбой найти меня или вызвать, когда у того будет возможность.

Эльф пришел поздно вечером. Он был в неизменной лабораторной одежде и, похоже, прокрадывался по темным коридорам. Такое впечатление, что во дворце живет кто-то из его знакомых, которым очень не понравится или они будут очень удивлены его присутствием здесь. Впрочем – это его дела, и мне нет смысла в них вникать.

Артефакт представлял собой короткую, сантиметров тридцать, палочку с хрустальными шарами на концах. Один побольше – светильник, другой поменьше – накопитель энергии.

– А почему хрусталь? – с восторгом наигравшись им, спросил эльф.

– Откуда мне взять драгоценные камни? Что дают на лабораторию, то и использую.

Надо же, нашел к чему придраться!

– Да, надо было тебе выдать пару-тройку рубинов, – рассеянно сказал Аримил, любуясь фонарем.

Он произнес это так, будто у него дома сундуки ломятся от драгоценных камней. А может, и ломятся, откуда мне знать?

– Ты только передай своей знакомой, чтобы одна по подземельям не ползала. Опасное это дело.

– Что?! С чего ты взял, что она полезет в подземелья?

– А для чего еще нужен такой артефакт? В саду с любовником прогуливаться? Кустики просвечивать, свободны ли?

Эльф нахмурился и задумчиво смотрел на меня, видимо, принимая какое-то решение.

– Гаррад, не для знакомой этот фонарь, а для меня. Я хочу сходить на третий, подземный, ярус дворца. И предлагаю тебе сопровождать меня. Одному действительно опасно.

– А что я там не видел? Или ты?

– Как? Тебя даже не интересует, что там внизу? Веками туда мечтали попасть многие, и сегодня сотни отдадут все, что имеют, за возможность пройти туда. А тут тебе предлагают совершить прогулку, а ты спрашиваешь: зачем тебе это надо?

Что я мог сказать?

– А сколько вернулись живыми и здоровыми?

– Это не важно. У меня есть точный план.

Аримил начал горячо убеждать меня в необходимости прогуляться на третий ярус. Если бы я сам проявил интерес, то, скорее всего, эльф некоторое время поломался бы – стоит ли брать мою персону в столь соблазнительный поход или пригласить кого другого. Начал бы требовать безусловного подчинения, а то и выторговал бы что-то еще. Мое явное нежелание идти настолько его поразило, что он сам оказался в роли просителя. Видимо, он и в самом деле не хотел, чтобы кто-то узнал о его намерении, а мои слова об опасности прогулок в одиночку пали на благодатную почву.

– Когда ты планируешь поход? – с наигранным равнодушием спросил я.

На самом деле мне стало интересно. Но и страшно тоже. Про себя я решил, что, пока не изготовлю артефакт для поиска ловушек, с места не двинусь. Говорить об этом не стал, поскольку собирался для его создания использовать новые знания, но убедить эльфа отложить поход минимум на пару недель совершенно необходимо. Пара идей насчет поиска таких ловушек у меня была, когда я еще интересовался попытками исследовать нижние ярусы дворца. В отличие от многих я не считал, что древнее непременно лучшее. Скорее примитивнее и в чем-то хитрее, поскольку от недостатка знаний они вынуждены были выкручиваться, используя то, что есть. Тем не менее, чтобы все просчитать и изготовить пусть недолговечный, разовый, амулет, надо минимум две недели.

– А что тянуть? Давай завтра, – ожидаемо ответил эльф.

– Нет. Завтра не годится.

– Почему?

– Надо хорошенько подготовиться. Сколько дней продлится поход, по твоим прикидкам?

– Да несколько часов максимум. Тебе же сказано – у меня план есть, там указано, где она лежит... Ой!

– Кто она? – тут же поинтересовался я.

– Не важно. Найдем, узнаешь. Не найдем – ни к чему тебе.

Так и не сказал, с-с-с-собака.

Я тоже проявил твердость и настоял на отсрочке. Мне надо подготовиться, и все тут. Что именно надо так долго готовить? А что мы идем добывать в подземельях? Ах, потом узнаю?! Может быть?! Ну, так и ты, голубчик, узнаешь потом. Может быть!

Мы разошлись не очень довольные друг другом, но на полторы недели. На большую задержку эльф так и не согласился. Ну что ж. Придется поднапрячься. Благо дворец наполовину опустел. Все разъехались. Осень – занятия у молодежи, сенокос у стариков...

## Глава 5

### Светлое чувство – дело темное

Две недели... ну, ладно, полторы мне были необходимы еще кое для чего. Я наконец-то придумал, как можно хорошо заработать, не пробуждая от спячки патентное бюро и не соблазняя халявщиков-грандмастеров, приглашаемых этим бюро для проведения экспертиз, возможностью присвоить себе результаты моего труда.

Незаконной продажа амулетов признавалась в том случае, если в них использовались магемы, не зарегистрированные в патентном бюро. Но! А если амулет будет работы «древних» мастеров, когда бюро еще просто не существовало? А если и вовсе создан мастерами ушедшей расы? Далеко не полный перечень таких уникальных и, как правило, неповторимых изделий содержался в «Королевском реестре известных амулетов и артефактов всех рас мира». Реестр был опубликован достаточно большим тиражом в пятьсот экземпляров, и его можно было найти в большинстве библиотек крупных городов королевства. В том числе, разумеется, и в дворцовой. В толстенном реестре возле рисунка каждого амулета или артефакта имелось подробнейшее описание его внешнего вида, размеров, материалов, из которых изготовлен, для чего предназначен и как активируется, кому на момент издания принадлежит или примерно когда и по каким причинам утрачен. Таких утраченных было довольно много, и сведения о них были весьма скудны. Иной раз просто несколько фраз-предположений. Например:

«Название: амулет «Кольчуга».

Назначение: предположительно защищал носителя от магических и физических атак от горла до паха.

Активируется: неизвестно.

Размеры: неизвестны.

Внешний вид: предположительно кольцо с синим камнем.

Материалы: предположительно золото (кольцо) и топаз (камень).

Хранится: утрачен. Предположительно во время битвы с орками в 2743 году.

Стоимость на момент последней покупки: неизвестна».

Артефакты из реестра не подлежат контролю патентного бюро. Их можно совершенно свободно продавать и перепродавать. Несколько таких амулетов – испорченных или утративших практическую пользу, как, например, амулет в виде заколки для левитации длинного шлейфа платья, ставший ненужным с изменением моды, – принадлежали королевскому музею столицы и были доступны для созерцания любому человеку и нечеловеку. Плати и любуйся сокровищем сквозь толстое стекло, под завязку забитое магемами неразбиваемости, неплавляемости и невынимаемости. Без специального ключа не откроешь и не слямзишь.

Магемы в артефактах-амулетах были действительно очень сложные и красивые, запутанные до умопомрачения, но работающие. По сравнению с теми, что я видел в амулете графа и в записях отца, просто гигантские. Малейший сбой, неточность, и амулет становится обычным ювелирным украшением. Иногда не очень-то и красивым. Правда, потому и считались мастера великими, что работали амулеты на удивление очень долго и очень надежно, имея, вероятно, массу дублирующих контуров в критических местах структуры. А еще, вероятно, потому, что, как правило, никто не мог понять, во всяком случае, до конца, как там все это работает. Попытки были, и неоднократные, да и сейчас продолжаются. Некоторые – не буду показывать пальцем – грандмастера в кавычках получили следующую квалификационную ступень, банально скопировав один в один такой вот амулет и представив на суд квалификационной комиссии. На вопросы, а нельзя ли с высоты сегодняшнего знания как-то улучшить работу копии, напыщенно вещали, что из песни слова не выкинешь, а у великого мастера древности –

ни единого завитка контура править нельзя. Тем самым они фактически открытым текстом говорили знающим людям, насколько далеки от понимания того, что копировали. Неграмотный тоже может тютелька в тютельку перерисовать письмо, но это не значит, что он его прочитал, хотя будет клясться, что и кляксы имеют какое-то символическое значение.

Думаю, дальше разжевывать сено корове не нужно. И так ясно, что я собрался заняться не совсем законным, скорее, совсем незаконным, делом – продажей амулетов якобы старых мастеров либо артефактов исчезнувшей расы шируши. А что? Гоблинские, орочьи, эльфийские амулеты есть, почему бы не быть ширушским... или ширушеским? У каждой расы основные принципы работы амулетов одинаковые, вероятно, сказалось взаимопроникновение культур, а своеобразие моих амулетов можно списать на несуществующих шируши.

К сожалению, граф все-таки, как ни грустно признать, оказался старым маразматиком.

Во-первых, слова о том, что амулеты шируши тайно (!!) хранятся в хранилищах старых родов. Как может быть тайно, если существует королевский реестр? Амулеты всех рас в реестре есть, а именно этой – нет? Скорее, просто нет никаких шируши.

Во-вторых, трактирщик. Когда я пришел в указанное питейное заведение, хозяин, выслушав меня, признался, что знает графа, соболезнует, но ничем помочь мне не может, поскольку я не первый прихожу к нему непонятно зачем. Лет двадцать назад граф действительно обедал в этом трактире, и ему так понравилась утка на черносливе в пиве, что он запомнил хозяина и потом не раз заезжал сюда обедать. Спустя пятнадцать лет приезжать перестал. Однако вместо него в трактир стали заходить всякие странные личности, закутанные в плащи по брови и с надвинутыми на те же брови шляпами (сквозь дырку в плаще смотрели, что ли?), или, наоборот, громогласные, шумные, бездарно притворяющиеся праздными гуляками. Настоящее паломничество психов. Странные гости таинственным шепотом, постоянно оглядываясь, уведомляли хозяина заведения, что они от графа, и «со значением» смотрели в глаза. Поначалу трактирщик не в шутку пугался, но, будучи гостеприимным хозяином, предлагал блюдо, которое назвал в честь его светлости «уткой по-вантски», предполагая, что гости прибыли по его рекомендации именно за этим. Посетители практически одинаково удивлялись и убеждали трактирщика в том, что он им должен передавать некие сведения, якобы поставляемые ему от имени графа. Сначала хозяин кабака сочувствовал ненормальным и пытался их ласково выпроводить. Для этого: он соглашался со всем, что ему говорили; обещал передавать все, что угодно, кому угодно; заверял в вечной преданности графу и чуть ли не гарантировал тайну вкладов, как в эльфийском банке. Потом ему это надоело, да и слишком уж все было странно. Короче, он испугался и заявил о странных клиентах в ближайшее отделение ДОК – департамента охраны короны. Его показания там аккуратно записали, пообещали разобраться, но никому руки крутить не кинулись и даже самого трактирщика пытками пугать не стали. Через некоторое время пригласили к себе и сообщили, что, к сожалению, ему придется терпеть таких клиентов и дальше, поскольку граф Вантский на старости лет решил поиграть в тайны, а запретить ему нельзя, поскольку человек он старый, родовитый и очень-очень заслуженный. Утешает то, что странные клиенты – люди весьма безобидные и на них можно не обращать внимания, а станут досаждать, так можно и гнать в шею.

– Поверьте, юноша, я преждевременно поседел от этих гостей. Они от меня что-то требуют, а я не знаю, что им предложить. Вот и вы... Может, утку по-вантски? – с надеждой в голосе спросил он. – Или хотите пивка холодненького? Свежее! Густое, как сироп, и хмельное, как гномья водка. Не хотите? Увы, ничем больше помочь не могу.

Я все-таки выпил кружечку. Нет, две... или три... или четыре... не помню. Пиво действительно было чудо как вкусно. И закуска – соломка из разных сортов вяленой рыбки – очень даже в тему.

М-да. А граф показался мне очень даже вменяемым. Правда, перед первой кружкой я немного сомневался в правдивости трактирщика. В актерской мастерской, чтобы хорошо сыг-

рать лжеца, надо было подробнейшим образом изучить особенности поведения человека и все те мельчайшие признаки, по которым можно, например, отличить правду от лжи. Ложь вольную от лжи невольной. Оказывается, основные признаки поведения у людей и даже нелюдей в главном совершенно одинаковые. Различия только в нюансах и, разумеется, самоконтроле. Хорошо натренированного мастера уличить практически невозможно. Подобные навыки в мастерской отрабатывали до автоматизма. «Четвертая стена» как-никак – все должно быть предельно натурально. Если уж играешь обманщика, то и речь его строй соответственно, а как строить, если не знаешь? Вот и трактирщик мне показался не совсем искренним. Да, скорее всего, я сам себе напридумывал тайны, а теперь буду приставать к постороннему человеку со своими на фиг никому не нужными секретами.

В общем, после не знаю какой по счету кружки трактирщик показался милейшим и правдивейшим человеком, сам трактир вполне тянул на ресторан, а тайны графа растаяли как утренний туман. Да и не очень-то хотелось – у меня зрела одна мысль и совсем не о ремонте чьих-то подозрительных артефактов.

Итак, примем за основу, что никаких шируши никогда не было. Однако пустыни и запретные земли реально существуют. Кто там жил и жил ли вообще – никто не знает. Почему бы не жить шируши? И почему бы не быть удачливым добытчикам, посещавшим эти места и приносившим, кроме золота и камней, амулеты вымершей (ушедшей) расы? Явно охотники за сокровищами не хотят, чтобы о них знали. Добыть трудно, но защитить добычу еще труднее. Вот на этом можно и сыграть.

Ох, явно подспудно я уже знал, чем займусь, раз не бросил актерские курсы и прошел их до конца. С мастерской, правда, была связана еще одна загадка. На прощание, поздравив с успешным завершением обучения и вручив красиво оформленный диплом, директор дружелюбно, словно обращаясь к коллеге, произнес загадочную фразу:

– Поздравляю. Погуляй пока.

Что означает «погуляй» и «пока», я, сколько ни ломал голову, так и не понял.

С другой стороны, ну, брякнул человек что-то в задумчивости, ну и что? Никто ведь силком меня на подмостки не потянет. Там и без меня толпы будущих знаменитостей, готовых хоть на «кушать подано», хоть на «шаги за сценой», штурмуют столичные театры. Уж про себя-то я знаю точно – отнюдь не гений лицедейства, чтоб в гонке за мои таланты художественные руководители театров насмерть загоняли своих пегасов.

Отодвинув все загадки мира в дальний угол, я наметил своей первой жертвой дочь барона К. Месяц назад, занимаясь в их апартаментах ремонтом светильника, невольно услышал ее разговор с подругой. С девушкой случилась обычная в таком возрасте – шестнадцать лет – беда. Неразделенная любовь. Она говорила подружке, что все бы отдала за то, чтобы «хоть минуточку побыть в его объятиях!». На резонные замечания той о недостаточной стойкости эффекта всех известных зелий она отвечала неизменным «ах!» и «увы!».

Романтические бредни? Первая любовь? Наверняка. Как и то, что все пройдет. Также наверняка. А может, и не пройдет. Сколько, бывает, бросаются с башен или травятся ядом. И все из-за того, что считают, будто жить дальше без любви конкретного субъекта немислимо и невозможно. Кто бы их остановил в тот роковой момент, подержал годик на привязи, да и отпустил? Глядишь, жизнь такой мрачной уже и не покажется, а еще через пяток-десяток лет еще и скажет сама себе, когда рассмотрит своего ангела без розовых очков: «И как я тогда могла сходить с ума по этому придурку?!» Впрочем, говорят, иногда и через пятьдесят лет продолжают безнадежно любить. Но такое бывает крайне редко. Как дождь в пустыне.

Таким образом, с совестью своей я разобрался, а амулет у меня уже был готов. Для тренировок в изучении принципов, открытых записями отца и магемами амулета графа, я неоднократно перекраивал свой первый приворотный амулет. В конце концов, перепробовав практически все, что мне было надо, я вернул ему исходный функционал, но на новых принципах.



Магемы получились ну очень компактные. Медальон можно было бы уменьшить раз в пять, однако вместо этого я загнал туда еще и распознавание уровня совместимости еще до вложения частички плоти объекта. Действовал он на расстоянии до двух метров и во включенном состоянии теплом или холодом информировал носителя, насколько он совместим с тем, на кого в этот момент камень медальона направлен. Кроме того, добавил функцию указания направления на объект и примерного расстояния. Это уже после помещения внутрь частички плоти. Зеленое пятнышко на камне указывало направление, а его размер – примерное расстояние. На мой взгляд, получилось неплохо.

Главное, я уверен, что никакой эксперт не разберется в моих магемах. Да и сам медальон из-за многочисленных экспериментов над ним выглядел очень старым. Просто древним. К сожалению, материал амулетов и артефактов очень быстро старится, выкрашивается, испаряется, или изделие просто разваливается. Зависит от того, насколько часто используют амулет по назначению, а еще больше от частоты смены магем. Каждое внедрение существенно влияет на срок службы, поэтому не рекомендуется переделывать амулеты. Лучше взять новую заготовку, пусть даже из менее прочного материала. Камни – чем тверже, тем лучше – служат дольше всего. Металлы, особенно не окисляющиеся, изнашиваются быстрее, а все остальные материалы в переделку не попадают никогда. Ну разве что позарез потребуется сделать что-то одноразовое, а ничего под рукой нет вообще.

Таким образом, имея готовый прототип, я мог проверить, пойдет ли у меня дело с продажей амулетов. Собственно, именно поэтому я «запал» на юную баронессу. Не она, так другая, не баронесса, так графиня, не графиня, так виконтесса... да мало ли страдающих девичьих душ, готовых в эту пору все отдать «за любовь», пусть и несколько искусственную. Все-то мне не надо, а вот десяток-другой золотых очень даже не помешают. Амулет наверняка проверят у эксперта, а может, и у нескольких, и только тогда выяснится, не слишком ли я самонадеян. Вполне возможно, мою поделку сочтут неуклюжей работой недоучки, но отнюдь не творением древних мастеров, тем более неизвестной расы. Тогда придется думать, как жить дальше, и, может быть, менять работу на более денежную.

С работой, по идее, проблем уже не должно быть, поскольку теперь будут смотреть не на диплом, как у выпускника, а на опыт работы и достигнутую категорию. Она у меня, кстати или нет, с недавних пор (уже несколько дней) вторая – мастер Трумар постарался и подал в квалификационную комиссию столицы представление, которое было быстро удовлетворено. Придворному магу отказывать не стали, как и придирались к его документам.

Изменение категории мастеров до грандмастера обычно проводит комиссия, состоящая из грандмастеров. Регулярные заседания проводятся без участия соискателей – достаточно представления наставников или непосредственных начальников с перечнем амулетов и артефактов, с которыми работал представляемый мастер или подмастерье. А вот для получения низшей категории грандмастера, не говоря уже о последующих, кроме представления вышестоящих, требовалось личное присутствие соискателя, обязанного защититься перед комиссией свою новую разработку. Как я уже говорил, к сожалению, в наше время стало достаточным тщательно скопировать работу древнего мастера, чтобы получить одобрение комиссии. Почему мастер после такой тупой, совершенно не творческой работы становится большим мастером, я, откровенно говоря, не понимаю. Может быть, толстеет и раздувается от гордости? Хотя по Трумару так не скажешь, но он наверняка повышал свою категорию не таким путем.

Действовать я начал с разведки, осторожно поговорив со слугами и незаметно понаблюдав за объектом охоты. Мне необходимо было предложить свой товар так, чтобы она не узнала во мне дворцового мастера и в случае чего не смогла бы навести на мой след. Облегчало мне задачу то, что поведение ее мало чем отличалось от поведения провинциальных девушек, прибывших в столицу мир посмотреть и себя показать. Поскольку особых связей у них не было, то приглашения на закрытые балы и вечеринки перепадали им нечасто, поэтому особой популяр-

ностью пользовались салоны, куда пускали всех «приличных» граждан. В частности, я выяснил, что моя жертва три раза в неделю бывает в открытом для посещений салоне ньюры Сорпи, дабы развеять скуку, а заодно свою тоску и печаль. Таскает туда баронессу подруга в надежде познакомить с каким-нибудь приличным молодым человеком, а может, и нечеловеком, способным заставить девушку забыть свою безнадежную любовь. Пока, увы – но для моих целей, ура, – безрезультатно.

Однажды вечером в салоне ньюры Сорпи появился молодой корнет в несколько помятом, но аккуратном мундире бригады станковых шарометов. Он подкручивал жиденькие усики, хлопал ресничками, часто поправлял ярко-рыжие напомаженные волосы, зачесанные на пробор, и, не интересуясь группами и группками, занятыми обсуждением интереснейших вопросов текущей политики или достоинств каррахатских гончих, приглашал всех подряд девушек на танец, во время которого что-то шептал им на ушко. Судя по отрицательным жестам, получал отказ, но не отчаивался и переходил к следующей. Можно было подумать, что он всем делает неприличное предложение, но никто не влепил ему пощечину, и все девушки, с которыми он успел потанцевать, смотрели на него в целом благожелательно. Дошла очередь и до баронессы. Нехотя уступив настойчивым приглашениям юного корнета, девушка вышла в круг.

– Баронесса! Вы милы и прелестны! – тут же стал нашептывать ловелас. – У вас такие сияющие глаза! Они точно звезды, похищенные у неба. А высокий чистый лоб говорит о вашем незаурядном уме...

Баронесса морщилась, но терпела.

– Ах. Но при всех наших достоинствах тем не менее не всегда нам в любви везет. Я сам недавно пережил трагедию неразделенной любви. Если бы не медальон и приворотное зелье, я бы до сих пор мучился и тосковал о своей Олисии.

Баронесса насторожилась и явно заинтересовалась, но постаралась сделать вид, что все эти истории ее мало волнуют. Грудь, однако, стала вздыматься чаще, а на щеках появился румянец.

– И как долго действовало ваше зелье?

– Дело не в зелье – оно всего лишь дополнение к медальону. Как долго, вы спрашиваете? Вечно! Мы любим друг друга. И это теперь навсегда!

Баронесса попалась. Она так вцепилась в корнета, что оторвать ее можно было только силой.

– Продайте мне медальон!

Корнет заколебался, покраснел, опустил глаза к полу:

– Понимаете, ньюра... дело в том, что я не уверен... а вдруг он мне самому еще понадобится...

– Вы говорите, что вам он уже не нужен. Так продайте его мне.

– Мне, конечно, надо много чего прикупить к свадьбе, а денег не густо, но вы понимаете... он стоит очень дорого... это же амулет шируши.

– Ши... кого?

– Шируши. Жил такой народ на севере, где сейчас пустыня. Охотники иногда заходят туда и в развалинах находят много чего интересного, в том числе и амулеты, но выживают единицы и никогда не рассказывают о своих приключениях, поэтому никто не знает про них и шируши. Этот амулет каким-то путем за очень большие деньги достался моей бабке. Говорят, с его помощью она влюбила в себя деда. Но я прошу вас хранить тайну моей семьи. Я поведал ее вам только потому, что оказался в стесненных обстоятельствах.

– А другим девушкам вы тоже все это рассказали? – наблюдательная, однако, красotka, но для этого корнет и не подходил к ней первой, чтобы это не выглядело спланированным.

– Нет. Я видел, что они не испытывают и малой толики тех страданий, что выпали на вашу долю, – в глазах партнерши корнет прочитал полное согласие со своими словами: уж насчет страданий любая девушка крупный специалист. – Им я просто предлагал амулет и называл сумму гораздо больше той, за которую собираюсь продать. Если вообще буду продавать. Знаете, как бывает? Решишься продать вещь, но сомневаешься, что это правильный поступок. Берешь и ставишь цену, за которую продашь без сомнений, а она бывает существенно выше реальной, втайне надеясь, что покупателя так и не найдется. Как бы играешь с судьбой. С вами такое никогда не бывало?

– Нет, мне не доводилось продавать что-либо. Мы не бедствуем. Но я поняла вас. Можно провести аналогии с иными нашими поступками...

– Какими, если не секрет?

– Именно секрет. Корнет, удовлетворите мое любопытство – какую цену вы называли моим предшественницам?

Корнет мысленно воззвал к Творцу и, как в омут с головой, выдохнул:

– Семьдесят пять золотых.

– Беру!!

– Что?!

– А вот так! Беру! Теперь вы не можете отказаться от своего слова.

– Но я же... но как же? Будьте милосердны! Откажитесь!!

– Нет, нет и нет!! Что вы там говорили про игры с судьбой? Смиритесь, корнет, и давайте обговорим условия.

– Ах, если бы не злосчастный дол... э-э-э... приготовления к свадьбе, ни за что бы не расстался с амулетом, – позволил себе немного посетовать корнет и, закончив танец, отправился вместе с баронессой в свободный альков.

Корнет знал о том, что есть такое негласное правило в торговле – завышать цену минимум в два-три раза. Поэтому почти утроив ее для старта торгов, он не ожидал столь быстрого их окончания. Его явное ошеломление девушка записала на счет своей ловкости и хитрости. Она, по правде говоря, готова была расстаться и с большей суммой, если все то, что говорил ей корнет, – истинная правда. Таким образом, баронесса могла быть вполне довольна сделкой.

Хорошо, что корнет не мог читать мысли. Он, со своей стороны, был уверен, что девушка здорово переплатила благодаря его уму и хитрости. В общем, оба были в восторге.

Ждать до завтра баронессе было невозможно, и она буквально за шкурку потащила корнета к нотариусу оформлять сделку. Ее подруга не подозревала о содержании разговора. Она видела только то, что видели все: баронесса неохотно откликнулась на приглашение корнета, но все-таки пошла с ним в круг. Во время танца они о чем-то поговорили, причем корнет улыбался и явно наговорил своей партнерше кучу комплиментов. Глаза баронессы заблестели, щеки разрумянились, теперь уже она повела милого мальчика-корнета в альков, из которого через несколько минут волоком потащила к дверям, на ходу бросив подруге: «К нотариусу!» Что могли подумать подруга и гости ньюры Сорпи? Небогатый столичный корнет сумел вскружить голову богатой, но провинциальной баронессе, и та подсекла, не желая, чтобы рыбка сорвалась с крючка. То есть решила тут же юридически закрепить наметившиеся отношения – оформить помолвку. А торжественный ужин по этому поводу можно организовать и позже.

– Подожди! – крикнула вслед подруга. – А благословение матушки и батюшки?! А свидетели!

– Благословят! Никуда не денутся!

Парочка скрылась за дверью, а подруга так и осталась в салоне хлопать глазами и недоумевать – даже в самых смелых своих фантазиях она не могла предположить такой успех своей нелегкой миссии по отвлечению подруги от несчастной любви.

У нотариуса быстро составили бумагу, согласно которой корнет Варикуз продает баронессе Пикере амулет шируши в виде крупного медальона из белого металла с прозрачным камнем за семьдесят пять золотых. Амулет является сильным приворотом и действует в комплексе с соответствующим зельем, рецептуру коего указанный корнет обязуется передать баронессе сразу по получении денег. В случае, если амулет не соответствует заявленным свойствам, покупатель оставляет за собой право вернуть амулет продавцу и потребовать возврата денег. При отсутствии добровольного согласия продавца вернуть указанную сумму конфликт следует разрешить в судебном порядке.

Ну да! Да! Подделал амулет-свидетель, содержащий личные данные владельца – корнета Варикуза. Но ведь я его не украл! Корнета вообще не существует в природе. Я его придумал целиком и полностью. Все совпадения с реальными людьми являются случайными и никаких намеков не содержат! Кстати, не стоит думать, что любой подмастерье сможет так же, как я, подделать амулет-свидетель. Я, собственно, тоже не стал слепо копировать структуру настоящего амулета. Там столько наворочено и так зашифровано, что пришлось бы потратить пару месяцев на анализ. Весь мой расчет строился на том, что выше мастера никто не будет проверять подлинность амулета. Зачем, если он делает то же самое, что и настоящий, – принимает и хранит слепок ауры, затем выдает его по требованию, то есть при активации амулета-определителя?

Баронесса сама уплатила нотариусу пять серебряных за услуги и тут же, наняв самобеглую коляску, приказала шоферу ехать в ближайший эльфийский банк. Там корнет открыл анонимный счет и получил на него переводом со счета баронессы всю причитающуюся ему сумму. Как только медальон, флакончик с зельем и инструкция оказались у девушки, она взвизгнула от радости, чмокнула корнета в щечку и вихрем умчалась на той же коляске, ожидавшей у входа.

Корнет совершенно не обиделся на невежливую даму. Он свернул в какой-то переулок, потом – в другой, потом зашел в кардасские бани и... больше корнета в городе никто не видел. Некоторые посетительницы, видимо, заинтересовавшиеся милым мальчиком, потом спрашивали ньору Сорпи про корнета, но ни она, ни кто-либо из ее постоянных гостей не могли припомнить такового. Даже девушки, с которыми он танцевал, кроме дурацких усиков и рыжих волос, не могли ничего о нем сказать.

Семьдесят пять золотых в эльфийском банке! А-а-ахренеть, как сказал бы знакомый гном Киркойвад. Мне и двадцать казались запредельной суммой, а тут... Действительно, а-а-ахренеть!

На следующий день я перевел шестьдесят в банк родного города на имя матери, а в письме написал, что в течение двух лет был занят очень сложной и ответственной работой по специальности и теперь, наконец, получил полный расчет. По сути, это правда. Я действительно умом и горбом достиг таких результатов. Сколько бессонных ночей и вечеров я проторчал в лаборатории, изучая, сравнивая, экспериментируя, иногда буквально бясь головой об стену, когда попадал в очередной тупик. Девушки и актерская мастерская не дали мне сойти с ума, отвлекая от полного погружения в мир магем и контуров, магической энергии и запредельной самоконцентрации. Девушки, впрочем, в меньшей степени. После того как перебесился на постельном поприще, зов плоти отвлекал меня уже не так бурно. Я старался завести постоянную партнершу, с которой не обязательно кувыряться в койке до утра, чтобы потом с квадратными глазами выползть из лаборатории для выполнения своих прямых обязанностей, а предпочитал тратить на сладкое не более двух часов в день. Так и говорил открытым текстом – я вас, девушки, обожаю, но работы у меня много и жертвовать ей не могу. Хотя амулет для

проникновения сквозь любые охранные контуры для себя, любимого, сделал – надоело каждый раз возиться с блокированием тревожной сигнализации. Да и не только ради проникновения к изголодавшимся по ласке девушкам я его сделал, но и для выполнения своих непосредственных обязанностей. Это поначалу меня провожали и сразу открывали двери. Потом, когда освоился, просто вызывали по связи в то или иное помещение, подчас прикрытое столь хитрой блокировкой, что не сразу и поймешь, то ли по голове тукнет, то ли огнем полыхнет, а мне приходилось по полчаса ждать под дверью, пока принесут амулет-ключ и откроют.

Слава Творцу, операция прошла успешно, мать снова на ногах, в чем я и не сомневался. Наш мастер-целитель когда-то занимал важный пост главного целителя королевской больницы, но ушел оттуда, так как, по его словам, подтирать задницы чинушам ворохом бумаг ему страшно надоело, а здесь он занят полезным делом, которым, в принципе, и хотел заниматься всю жизнь. Однако гарантии, что у матери не проявится вскоре что-нибудь еще при ее-то здоровье, никто дать не мог. В том числе и мастер-целитель. С другой стороны, получив деньги, матушка сможет работать поменьше, хотя рассчитывать на это, зная ее характер, нельзя.

После успеха первой продажи стоит подумать, что и как я буду продавать в следующий раз. Во дворце есть смысл остаться – где еще я найду столько свободного времени и целую лабораторию в полное свое распоряжение. Откуда время, если Трумар зашивался один? Да очень просто. Я научился делать копии артефактов напрямую, создав нечто подобное копировальному артефакту. В левую камеру кладешь образец, в правую – заготовку, активируешь и через три минуты получаешь готовую практически абсолютную копию образца. Правда, следует признать, что три минуты – это для самых простых и большей частью устаревших амулетов, во множестве использовавшихся во дворце. Чем сложнее амулет, тем больше требовалось времени и энергии для копирования. К сожалению, очень быстро наступал предел возможностям артефакта, и уже средний по сложности современный амулет, не говоря уж о работах старых мастеров, копировался бы годами, а я, не смыкая глаз, сидел бы рядом и, забыв про еду и сон, в лихорадочном темпе заряжал бы накопители. Кроме того, копирование осуществлялось только импульсным методом, что требовало соответствующих по прочности материалов. Для дворцовых нужд этого вполне хватало. Я перестал ремонтировать всякую ветошь, постепенно заменяя ее новыми блоками. Трумар, увидев мою заявку, разворчался, не понимая, что я делаю с таким количеством материала. Я его «успокоил», опустив глазки к полу. Дескать, много ломаю старых блоков, приходится, как приказал уважаемый мастер, вместо испорченных, пришедших в полную негодность, делать новые. Днями и ночами не сплю – свои ошибки исправляю. Мой усталый вид с кругами под глазами и опять отощавшая фигура свидетельствовали в пользу моей наглой лжи. Трумар, в принципе добрейший человек, сразу проникся сочувствием, добился для меня повышения квалификационной категории аж на два пункта сразу и выбил у Свируса (!!) увеличения моего оклада аж до четырех золотых. Я искренне поблагодарил мастера и пообещал, что проблем с восточным и южным крылом у него не будет. Тот смущенно пробормотал: «Ничего, ничего, юноша. Со временем все приложится. Иди, работай».

А новая категория меня несколько обеспокоила – сейчас никому и в голову не придет, что изготавливает и продает столь дорогие амулеты якобы шируши мастер четвертой категории. Как бы Трумар по доброте душевной не взялся за меня всерьез, чтобы подтянуть до уровня грандмастера. А грандмастеру уже гораздо труднее прятаться. Так я, во всяком случае, думаю.

Но пока впереди этот бессмысленный поход с Аримилом в подземелья. Раз обещал – надо выполнять. Зато потом, я твердо решил, возьму у Трумара три дня – почти три года в отпуске не был – и съезжу навещу мать и сестренку. Мелкая уже теперь невеста совсем. Скоро закончит школу и, вполне возможно, пойдет по стопам брата. Способности у нее явно есть, и неплохие. Другое дело, хватит ли терпения на самоконцентрацию и распутывание сложных структур – работа специфическая, но там уже посмотрим. Кстати, может быть, прихвачу их с

собой. Пусть недельку поживут в настоящем дворце и посмотрят на столицу, а всех денег все равно не заработаешь.

## Глава 6

### Подземелье

Амулет поиска упорядоченных магических структур, проще говоря, определитель амулетов и артефактов, я сделать успел, хотя голову поломать все-таки пришлось. Как распознать упорядоченную структуру? Как отличить предмет, сделанный разумным существом, от, например, куска камня, обточенного природой? На глаз сразу можно сказать – это искусственное создание, а это – природное. Почему? Ну-у-у-у... Потому что природа так не сделает... А что она не сделает? Стены идеально ровные? Шар идеально круглый? Бриллиант? Все вроде очевидно, но когда дело доходит до конкретики, до частных признаков, которые можно формализовать, свести в единый перечень и использовать везде как общие принципы различения природного и искусственного, тут же стопорится. Не так-то просто их выявить, обобщить и прописать в магеме в виде конкретных контуров. Мне это удалось, и скоро, может быть, появится еще один амулет шируши, но теперь придется, пожалуй, потратиться на благородные металлы и драгоценные камни – это приворотный амулет мог быть у любой расы бросовым товаром, а определитель магических структур – нечто более специфическое, сложное и дорогое. С таким устройством даже немаг может узнать, есть ли поблизости амулеты, артефакты или просто впаянные в стены магемы. Хм... В том числе можно будет определить, нет ли их у вашего собеседника... того же приворота, например. Хотя, конечно, определитель скажет только, что амулет есть и где он примерно находится, но что делает – неизвестно.

Зачем он мне в подземелье и, в частности, зачем он магам? Все просто и сложно одновременно. Невозможно ходить в состоянии постоянной концентрации, обшаривая каждый метр стен по пути. Кратковременно – без проблем, но постоянно... Я уже говорил ранее, так передвигаться очень сложно и устаешь быстро. А с амулетом можно будет, получив сигнал, сконцентрироваться кратко временно, посмотреть, что там такое, и идти дальше, если не мешает.

Поздно вечером перед самым выходом пришел Аримил с легкой сумочкой, в которой проглядывала небольшая фляга, сверток, вероятно с картой, наш фонарь-прожектор и... все. Я покачал головой, взвалил на плечи рюкзак с запасом харчей и воды на три дня, подхватил амулет-определитель, такой же фонарь, как у Аримила, и сообщил о своей готовности. Эльф фыркнул в своей манере:

– Ты чего, пустыню штурмовать собрался? Я же сказал – пара часов туда и столько же обратно, зачем все это?

– Идешь в поход на день – бери запасов на неделю. Так меня учил один знакомый орк.

– А мне знакомый гоблин говорил: «В походе и иголка вес имеет». Ну-ну, тебе переть. Если так боишься проголодаться, то тащи. Не надорвись. Пошли, что ли?

И мы пошли. Потопали-пошкандыбали. Но не ломанулись и не рванули. Тихо и даже скучно спустились в подземелья на первый ярус, по лестнице, ничуть не мрачной, потом – на второй, а возле точно такой же лестницы, правда, уже пыльной и совершенно не освещенной, приостановились, чтобы прочитать предупреждение, написанное крупными буквами каким-то ехидным типом. Это было единственное освещенное место в конце длинного коридора, закончившегося лестницей вниз.

«Остановись, несчастный, вознамерившийся потревожить покой «несуществующего» бога. Ради Творца, подумай, нужны ли тебе знания, часто последние в жизни, о том многообразии ловушек, которые тебя поджидают там».

Кратко, емко, задумчиво. Может, и правда – ну его?! Однако Аримил фыркнул, хмыкнул и решительно направился вниз, активировав амулет в режиме фонаря. Путь наш во мраке озагорился ярким светом, и страшная лестница к обещанным ловушкам перестала казаться мрач-

ной. Старой, потертой, с выщербленными ступенями... В точности как в нашем старом доме, где мы жили до смерти отца. Там такая же лестница вела в подвал, где всегда можно было разжиться соленьким огурчиком или в летнюю жару попить кваску из запотевшего жбана.

В конце лестницы, к сожалению, нас не ждали ровные коридоры, как наверху. Здесь уже начались катакомбы со всеми их прелестями: неровный пол, кривые туннели, кое-где мох на стенах, где-то что-то капает или журчит, стали появляться сталактиты и сталагмиты. Ага. Я помню. Мне в детстве раз двадцать приятель, бредивший гномьими сокровищами, вдалбливал, чем одно отличается от другого:

«Балда! Ты запомнишь когда-нибудь? Сталактиты – это сосульки. Растут сверху с потолка пещеры, а сталагмиты – это сосульки, которые растут снизу из пола пещеры».

Ну, запомнил правильное название, а на кой оно мне? Я ж ими торговать не собираюсь, дескать, за сталаКТИТЫ больше, чем за сталаГМИТЫ, дают.

Шли мы долго. Аримил перед выбором пути постоянно сверялся с картой, хмыкал и уверенно поворачивал в нужном направлении. Возможно, в нужном, а как на самом деле – не знаю. Смотреть было не на что, идти неудобно, ловушек, да и вообще магических структур не обнаруживалось, так что скоро я заскучал и стал вспоминать, что взял с собой пожевать. Верное средство от скуки – чего-нибудь пожевать. Желательно длительного жевания в виде сырокопченого окорока, высохшего в пустынях орков. Вот я и занялся интересным делом – стал вспоминать, куда положил кусок этого самого окорока и нарезал ли тоненькими ломтиками, как собирался. Похвалив себя за предусмотрительность, я на ходу открыл боковой карман рюкзака и вытащил кусочек окорока. Если кто думает, что я вцепился в него грязными пальцами и стал, захлебываясь слюной, пожирать, чавкая, рыча и шумно сглатывая, то он ошибается. Я каждый ломтик переложил кусочком тоненькой бумажки и взял его именно за эту самую бумажку. И руки не жирные, и мясо не грязное. Запихнул кусочек в рот и стал вдумчиво жевать. Однако тишина в подземелье была такая, что эльф, идущий впереди, услышал звук жевания, а главное, уловил аромат копчености. Сам он поначалу ни слова не сказал, но желудок его предательски недовольно буркнул, напоминая хозяину о том, что ужин был уже довольно давно, а идти по таинственному подземелью – работа напряженная и энергозатратная.

– Бе-едный голодный мальчик. Он без еды и часа прожить не может.

Ага. Я же так и понял, что признать свою неправоту эльфу – нож острый, а попросить еду тем более.

– Чего ж не побаловать себя вкусеньким, идем-то уже часа три. Скучно, делать нечего, а ужин был уже давненько...

Желудок эльфа в знак солидарности со мной одобрительно буркнул, хотя эльф не повелся на низменные потребности и гордо ответил сразу нам обоим. То есть мне и своему желудку:

– Настоящий воин способен терпеть голод очень долго.

– Ага. Ну и терпи, а я не воин и быть им не собираюсь. К тому же настоящий воин не тот, кто способен долго терпеть голод, а тот, кто никогда не упустит возможность хорошенько поесть.

На это эльф фыркнул – ну чисто кот, так фыркать любит – и промолчал. А тут мы незаметно дошли до... следующей лестницы вниз.

– Эй! Ты же говорил, что на третьем уровне то, что ты ищешь!

– Ну-у, третий, четвертый... или пятый, какая разница?

– Ничего себе, какая разница?! Нет, мы так не договаривались! Я поворачиваю назад.

– Рад! Послушай. Неужели ты бросишь меня одну... го в этих страшных пещерах? Нам осталось-то пройти всего ничего. Ну, Рад. Ну, будь человеком!

– Угу. «Будь человеком!» А я кто? Орк?

– Ра-а-дик. Ну что тебе стоит пройти со мной еще совсем чуть-чуть?



Вот прилипала! Всем прилипалам прилипала! Нет никого прилипалистее этого прилипчивого эльфа!

Стоп!! Прилипала-прилипала-прилипала... Если разложить на звуки и записать контурами в магему... Х-ха! А не является ли это слово ключом к амулету графа, который я перекопировал к себе, сделав в точности такой же? К тому самому амулету, активировать который не смогла ни длинная череда предков графа, ни он сам?

Если предположить, что неизвестный маг-конструктор хотел передать амулет своим ученикам, то, вполне вероятно, он использовал код-пароль, им по жизни «до боли» знакомый.

Как раз «прилипалами» часто называли учеников магов в те времена, когда академий еще не существовало, а юноши, желавшие научиться магическому конструированию, поступали в ученики к состоявшимся магам и должны были следовать за учителем, как рыба-прилипала за акулой.

Озарение пришло ко мне не вдруг. Загадка амулета гвоздем сидела у меня в мозгу все это время и, чем бы я ни занимался, постоянно всплывала в сознании. И вот теперь раскаленный гвоздь неразрешимой задачи волшебным образом преобразовался в лучик надежды. Кто знает, что такое радость открытия или решения трудной задачи, меня поймет, остальным рекомендую поверить мне на слово – восхитительное чувство. Такое же испытывает актер, когда знает – роль удалась. Или художник, вложивший душу в картину. Ради этого чувства стоит переживать нештучные муки в поисках решения.

У меня прямо руки зачесались, так хотелось бегом вернуться в лабораторию и проверить свое предположение. От восторга я чуть не кинулся на шею эльфу, желая поделиться радостью, но вовремя одумался и решил... продолжить поход, хотя бы в благодарность за то, что «прилипала» невольно помог мне найти решение загадки. Но чтобы он не думал, будто я за его красивые глазки иду наперекор собственным принципам, делано неохотно пробурчал:

– Ну ладно. Раз уж начали, давай закончим. Но если действительно не ниже пятого яруса...

– Пятый-пятый, – обрадовался эльф. – Я бы тебе сразу сказа... л, но ведь ты бы тогда не пошел со мной. Верно ведь?

Ух, какой он вежливый и деликатный становится, когда ему чего-то от меня надо. И мы потопали дальше.

Пятый ярус ничем не отличался от предыдущих, тот же неровный пол, мох, сталактиты и сталагмиты, залы, разветвляющиеся ходы и скука. Через пару часов монотонного движения меня немного приперло желание слить излишки. Я попросил эльфа подождать, повернулся к стенке и начал спокойно ее поливать.

– Ну, ты... Хотя бы в отнорок какой отошел! – неожиданно возмутился эльф.

Я удивился:

– А зачем?

– Меня бы хоть постеснялся!

– А чего ты там не видел? Разве у тебя не то же самое в штанах?

– Кх-гмм... – услышал я в ответ.

Что-то в последнее время стали меня посещать мысли, будто я в упор не вижу очевидного. Вот оно прямо у меня под носом, а я, как последний тупица, просто не желаю ничего понимать. Немного пошевелив мозгами, пришел к выводу: если это очевидное важно для меня и до сих пор не убило, то рано или поздно оно проявится, а если не важно, то и нечего по пустякам голову ломать.

– Скоро придем. Осталось совсем немного, судя по карте.

Хм. Пока что наш героический прорыв на нижние ярусы дворца больше напоминал тайный поход в подвал за бутылочкой коллекционного вина... С разрешения управляющего. Мой амулет определения магом, на который я возлагал надежды, ни разу даже не пискнул. То ли не

работает, то ли нет здесь никакой магии. Но я же проверял перед выходом – амулет работает. Следовательно, нет магических структур.

Мы вошли в очередной зал с четырьмя ходами дальше, но Аримил вместо того, чтобы уверенно свернуть в один из них, остановился, глубоко вздохнул и радостно возвестил:

– Все! Дошли!

Я вышел на середину зала, огляделся по сторонам и ничего особого не заметил. Мой определитель также молчал, как глухонемой на допросе. Пыль, паутина и мох – антураж ничем не отличался от десятка других залов, где мы уже проходили. Разве что очень сухо и нет потеющих камней.

Аримил сверкнул на меня подозрительным взглядом и приказным тоном сказал:

– Ты остаешься здесь и ждешь меня.

Я пожал плечами, скинул на пол рюкзак и стал подыскивать местечко почище, чтобы с удобствами дожидаться возвращения эльфа. Закончить поиски я не успел. Аримил вошел во второй слева проход, и тут же с лязгом и клубами пыли его закрыла толстенная – в руку – частая стальная решетка с длиннющими шипами с обеих сторон. Мало того. Впереди, метрах в двадцати по проходу, рухнула еще одна, и обе с зубодробительным скрежетом стали медленно сближаться. Я, словно зачарованный, смотрел на древний капкан, зубы которого неумолимо сближались, чтобы сжать тело эльфа в своих колючих объятиях. Причем шипы и проемы в обеих решетках были сделаны таким образом, чтобы одни входили в другие, то есть, когда они сомкнутся, между решетками не останется ни малейшего зазора.

Из ступора меня вывел отчаянный крик Аримила:

– Гаррад!! Помоги! Сделай что-нибудь!

Я зачем-то подхватил рюкзак и бестолковой курицей заметался по залу, прижимая к груди припасенные харчи, словно последнюю надежду. Краем сознания отметил в зале какую-то странность, но не стал, да и попросту не смог, заниматься ее обдумыванием. Остановил мой забег по кругу спокойный голос эльфа. Он стоял мертвенно-бледный в метре от решетки и говорил:

– Гаррад. Успокойся. Все будет в порядке. Ты меня вытащишь, я знаю. Сосредоточься. Ты же – маг.

Его мелодичный монотонный голос меня и вправду успокоил и вернул соображение. Я бросил рюкзак, сел прямо в пыль напротив эльфа и сосредоточился. Полностью механической ловушка быть не могла, за столетия любой механический детектор наверняка бы разрушился, да и не видел я никаких камней или веревок, которые могли бы служить этим целям. Тем более те, кто вернулся из подземелья, не говорили про механические ловушки, только про магические, да и эльф, теперь я четко видел, шел всю дорогу так, будто имел навык прохождения таких ловушек. Однако мой определитель ничего... хм... не определил. В чем же дело?

Я стал магически прощупывать пространство прохода: стенки, пол, потолок и сами решетки. В результате я обнаружил... Это же надо было мне оказаться таким ослом! Нет! Подумать только – собирался свой определитель продавать как амулет шируши, а ничего, кроме ордена Длинноухого Осла первой степени, на самом деле не заслужил! Все банально настолько, что хоть плачь, хоть смейся. Мой определитель работал на выявление только двух контуров, которые однозначно не могли быть природными или случайным образованием: «открывающего» и «закрывающего» магему. Они, собственно, и группировали в единое целое набор всех остальных контуров и являлись точками связи с другими магемами. Так вот. В этом подземелье магем не было. Вообще! Возможно, в те ветхозаветные времена их еще просто не придумали, а спусковым крючком для срабатывания ловушки являлись две пары примитивных контуров. Первая пара располагалась в стенках прохода друг напротив друга и была связана силовой линией на уровне бедра человека среднего роста. При пересечении линии включался механизм движения решеток. Вторая пара была внедрена непосредственно в решетки и фикси-

ровала факт их смыкания. При этом срабатывал механизм возврата решеток в исходное состояние. Таким образом, мой определитель мог просветить все подземелье насквозь, но ни одной магеми так и не найти. Соответственно, ему не о чем было меня предупреждать.

Дальше уже было все просто – я строго синхронно подал два дозированных импульса на решетки, имитируя их смыкание, и те послушно стали возвращаться в исходное положение. Облегченно вздохнув, я вернулся в реальность и увидел, что эльф к тому моменту, как решетки стали раздвигаться, оказался уже в середине прохода и шипам оставалось до его тела всего сантиметров десять.

Сантрашшурбанипалкородабарра! Эльф дождался, когда проход полностью откроется, и рванул на выход! Решетки закономерно снова рухнули вниз и опять поползли в смертельное путешествие. А я-то расслабился! Конечно, Аримил снова задел силовую линию, и ловушка опять сработала. В этот раз я паниковать не стал, но для эльфа повторно попасть в страшную клетку оказалось, мягко говоря, не очень приятно. Он с ужасом смотрел на ползущую шипастую смерть и что-то шептал.

Во второй раз у меня так точно синхронизировать импульсы не получилось, и мой обман не прошел. Пришлось снова предельно сконцентрироваться, и только после этого отмена сработала. Решетки снова стали раздвигаться, а я крикнул эльфу, чтобы он не двигался.

– Аримил, слушай меня внимательно. Метрах в трех от входа проходит силовая нить, которая подает сигнал на срабатывание ловушки. К счастью, она только одна. Поэтому иди медленно и, как только я скажу, ложись на пол и ползи. Ты меня понимаешь?

Аримил кивнул и сосредоточился.

– Иди. Иди-иди-иди-иди... Стоп. Ложись. Ползи-ползи-ползи... Все! Можешь вставать.

Словно порывом ветра эльфа вынесло из прохода, он бросился ко мне и, припав к моей груди... разрыдался. Такого я от него не ожидал. Только что он был бледен, но невозмутим, а теперь плачет навзрыд, вздрагивая всем телом, словно девчонка, потерявшая любимую куклу. Я стал бормотать что-то успокаивающее, гладить его по спине и плечам. Через некоторое время всхлипы и вздрагивания стали реже. Аримил отлепился от моей рубашки, снял берет и вытер лицо. Каскад золотых локонов рухнул на его плечи, и показались... В том-то все и дело, что совершенно не заостренные, а вполне человеческие ушки. Глаза... Да, глаза эльфийские, и лицо очень уж прелестное, но... и все. Больше ничего эльфийского в нем или в ней не было! С чего я взял, что Аримил – парень и эльф?! Он... Она мне никогда не говорил... а, что эльф. Я его принял за эльфа потому только, что он выглядел очень уж миловидно и руки перчатками не закрывал.

М-да. Похоже, вот и открылось то самое очевидное, которое мое наиослейшество в упор не видело. Меня, словно волной, охватил жар, когда я вспомнил недавнюю сцену избавления моего организма от излишков жидкости. А вдруг это все-таки парень?! Вдруг я себе напридумывал, а это просто очень красивый и... женственный парень. Бывают же такие. Надежда вернула мне присутствие духа, но ровно на секунду, пока я не встретился с предельно ехидным взглядом прекрасных глаз. Этот взгляд разбил надежду на мелкие осколки, а те растер в порошок и просто вымел далеко и подальше.

– Ну что, Радик! Не прошло и трех лет, как ты наконец-то разглядел во мне девушку. Ты не представляешь, как я устала играть эту случайную роль.

– Но... Зачем?

– Затем!! Откуда мне было знать, что найдется такой чурбан, который, живя во дворце, хоть и старом, никогда не видел портретов королевской семьи!

– Ну-у-у, в северном крыле мне только в лаборатории мастера приходилось бывать, поскольку делать мне там нечего, да и вообще некогда портреты рассматривать... – Тут до меня дошло: – К-королевской? А... А при чем тут королевская семья?

– А ты вдумайся, как я себя называла?

– Аримил.

– Нет, Гаррад. Это просто невозможно! Ты знаешь, что ты невозможный человек? Скажи Аримил наоборот.

– Лимира. Ли-ми-ра? Это же... Вроде принцессу так зовут?

– Вы посмотрите на этого типа! Портреты в галерее ему неинтересны, светскую хронику в газетах, где печатают портреты всех значимых фигур, он не читает, а имя принцессы для него всего лишь «вроде»!

– Так ты... в-вы... ваше высочество? – совсем обалдел я.

– Еще чего! Чтобы я была этой пустоголовой глупышкой, у которой всего две мысли: как выйти замуж за прекрасного принца и какой фасон свадебного платья предпочесть?! Нет! Я – не она. Да, мы с ней похожи... Слегка. Но не более того! Понял?

Я энергично замотал головой:

– Не понял. А зачем ты... вы...

– Давай уж на «ты», как прежде, а то скоро заикаться станешь. Ну чего тебе непонятно?

– Так это... Зачем ты Аримилом назвалась?

– Пошутить хотела. Тонко. По-эльфийски. Думала, провинциал быстро поймет, что перед ним девушка, похожая на принцессу, догадается перевернуть имя и, решив, что я принцесса, начнет, как все, пушить хвост и надуваться. А ты, чурбан, даже не усомнился. И что мне было делать, когда мой тонкий юмор не оценили и не дали похохотать всласть? А еще с дурацкими советами влез. Тут я и решила продолжать играть роль и подождать, когда же ты догадаешься. Упросить мастера не разрушать игру было очень просто. Но труднее всего было видеть твои кобелиные похождения и не сорваться. Ну, если еще раз увижу!!

– А это-то при чем тут?

– А ни при чем!! Просто не будешь больше по бабам ходить, вот и все!

– Я-а-а не буду?! – меня возмутил тон и, главное, безосновательное ограничение моей свободы. – С чего бы это?! Да кто ты такая, чтобы мне запрещать гулять с кем хочу и когда хочу...

Молниеносный удар заставил меня, словно рыбу на берегу, хватать ртом воздух, сам я согнулся пополам, в глазах замелькали звезды, ватные ноги подкосились, и стало вдруг совсем-совсем темно. Такой удар и защиту от него мы тренировали в мастерской под руководством тренера из «Гоблин-опера». Но сейчас я не был ни в бою, ни на сцене, да и не ожидал такой вот благодарности от... от... А от кого? Я ведь так и не знаю, как зовут эту девушку, а тем более кто она такая.

Очнулся я на полу. Точнее, тело было на полу, а голова уютно устроилась на девичьих коленях. Чьи-то грубоватые ладони ласково терли виски, смачивая их водой.

– Очнулся, болезный? Кыш с моих коленей!

Кряхтя и охая, я медленно встал, но не удержался от вопроса:

– Послушай... э-эм...

– Альмирила меня зовут.

– Мила...

– Вот только не вздумай так меня называть! – взвилась девушка. – Ни Мила, ни Милочка, ни Милашка! Убью!

– Хорошо, Альми... Альмири... Альми-лира, – с запинкой выговорил я трудное имя. – Скажи, что тебе до моих девушек? Никогда не поверю, чтобы такая красавица, как ты, по уши втрескалась в такого замухрышку, как я.

– Ну не такого уж и замухрышку...

– Тем не менее насчет своей внешности я не обольщаюсь. Рискну предположить, что ты привыкла к всеобщему восхищению, а тут придурок-провинциал не замечает и даже принимает за парня. Как же так? Непорядок. Срочно в стойло его. К остальным ослам. Скажи, я прав?

В следующую секунду эльфийские глаза оказались от моих на расстоянии носа, и шипение рассерженной кошки ввинтилось в уши:

– Не! Твое! С-с-собачье дело, ш-што я думаю, но ес-с-с-сли увижу с-с-с бабами...

– Ну, так убивай прямо сейчас! – вызверился, в свою очередь, я. – Что?! И сама не дам, и вам не дам?! Я человек, а не реактив в алхимической лаборатории, чтобы тихо лежать на полочке, пока хозяйке не понадобится!

Несколько секунд мы стояли, упершись лбами, как два молодых барана, и, не говоря ни слова, яростно сопели. Наконец Альмилира резко повернулась ко мне спиной, умудрившись гордой осанкой и поворотом головы выразить всю бесконечность своего презрения к беспутному мне («Верю!!» – сказали бы в нашей мастерской) и процедила сквозь зубы:

– Мы еще поговорим! Потом! Сейчас надо доделать дело, за которым пришли. – Даже так голос ее остался мелодичным. Вот что не отнимешь, то не отнимешь.

– И тебе все еще не хватает приключений?

– Дело должно быть сделано. А ты ведь уже знаешь, как пройти ловушку.

– Как пройти эту ловушку, я знаю. Но не знаю, сколько там осталось еще.

– Ну не зря же ты за мной увязался. Должен же быть и от тебя какой-то прок.

– Я-а-а увязался?

– Не время спорить из-за пустяков, – голос девушки был холодным и величественным. Если бы она сама не сказала, что не принцесса... Не знаю уже, чему и верить.

– Хорошо. Но я пойду первым. Я шагаю – ровно на столько же делаешь шаг ты. Я ложусь – ложишься и ты...

– Принято. Действуй.

В конце коридора, который нам удалось в этот раз миновать без приключений, была совершенно пустая, если не считать пыли, каморка. Когда-то она была явно снабжена полками и мебелью. Пара глубоких ниш в стенах указывали, где в незапамятные времена были вмурованы сейфы. Об этом же свидетельствовал толстый слой ржавой пыли на полу под ними.

Альмилира, преобразовав светильник в прожектор, тщательно осмотрела все углы, но безрезультатно. Наконец она вздохнула и объявила о завершении похода:

– Все, Гаррад. Нет ничего. Возвращаемся.

Мы опять аккуратно проползли под линией в проходе и оказались в зале.

– Гаррад, а почему силовая линия только одна? Ее можно перепрыгнуть или, как мы, проползти под ней. И как сами хозяева отключали ловушку?

– На первый вопрос ответить не могу. Слишком много времени с тех пор прошло. Возможно, линия была не одна, но за тысячелетия остальные контуры просто затерлись. На второй вопрос у меня есть предположение, что ловушку предварительно не отключали. Думаю, в проход заходили со специальным амулетом и давали ловушке сработать. Потом активировали амулет, который отключал решетки. То есть имитировал их соединение.

В зале, оглядевшись, я вспомнил, что зацепило мое внимание, когда сработала ловушка. Исчезли проходы, которые были изначально, как только мы пришли сюда, и появились новые. То есть, кроме решеток, сработали еще какие-то механизмы, сделавшие дорогу назад по прежнему пути недоступной.

– И что же нам делать? – растерялась Альмилира. – На карте нет другого пути в этот зал.

## Глава 7

### Лабиринт

Все. Опять тупик. Разворачиваемся и топаем назад к следующему проходу. Как же это за... утомило. Четвертый день, фактически не прикрывая магического ока, путешествуем мы по этим пещерам, а спустились только на три уровня. Одна надежда, что остался один – последний. Число девять довольно часто встречается в различных культах как священное и совершенное. Почему девять, а не десять – вопрос к любителям покопаться в древностях. Меня это не волнует абсолютно. Главное, не потерять силовую линию. Ага. Вон она. В толще камня на глубине метра три проходит. Хорошо было мастеру, который прокладывал ее к контурам ловушки. Ему наверняка точный план лабиринта перед началом работ выдали. А нам почему-то при входе никто не озаботился предложить буклет с описанием чудес подземного мира дворца. Конечно, и от красноречивого гида мы с Альмилирой тоже не отказались бы, но кто ж нам его предоставит? Вместо нормального экскурсовода приходится довольствоваться двумя недотепами-призраками. Они, конечно, дедушки жутко услужливые и кошмарно красноречивые, да чаще всего не по делу.

– Ньоры привидения, ну сколько можно?! Говорил же – не можем мы, люди, проходить сквозь камень. Не можем!

– Да, помним мы, помним. Правда, уважаемый Брог?!

– Конечно, уважаемый Хрыск! Мы все помним. Конечно-конечно...

– Только забываем иногда...

– Да. Помним, но забываем...

– Да. Мы забываем, что ты странный мастер...

– Странный. Именно странный. Что тебе стоит разрушить в щебень эту перемычку?

– Ты, уважаемый Хрыск, опять забыл, что без третьего глаза ему не видны точки напряженности, а без знания, куда приложить силу, ему потребуется... ему потребуется... потребует-ся е-му-у-у-у... уму непостижимо сколько энергии! Да он полсуток только накапливать ее будет, а потом бабахнет и завалит туннели по-настоящему.

– Нет, уважаемый Брог, ты не прав!

– Я-а?! Не прав?

– Да. Не прав. Парень талантливый и хороший подмастерье...

– Он говорит – мастер!

– Ну какой же он мастер, если третий глаз не открыт?

– Приношу свои извинения, уважаемый Хрыск. Действительно, какой же мастер без третьего глаза? Но в чем же я не прав?

– В том, что он будет копить энергию половину суток. По моим грубым прикидкам, ему потребуется не больше восьми часов.

– И на чем же основан твой расчет, уважаемый Хрыск?

– Ой, сколько яду в твоих словах, уважаемый Брог! А все просто, если принять за основу...

– Ньоры призраки, простите, что прерываю столь высоконучный спор, но не могли бы вы сначала показать нам, куда следует идти, а потом продолжить, безусловно, интересное обсуждение моих возможностей?

С этими двумя обитателями мы с Альмилирой познакомились на следующие сутки (по моим ощущениям) после того, как выкарабкались из ловушки. На вопрос, что делать и как выбираться, у каждого из нас было по одному, зато самому правильному, варианту ответа.

Напарница однозначно считала правильным идти наверх, к солнцу, а я, наоборот, вниз – во тьму. Мой аргумент в виде линии силы, подпитывающей контуры ловушки, которую я смог разглядеть, пересилил надежду девушки положиться на удачу и бестолково побродить по туннелям и залам. Всего лишь после трех часов вежливой полемики с применением аллегорий, сравнений, доходящих в некоторых случаях до гротеска, и выражений в стиле «сам дурак!» мы пришли, наконец, к общему решению: двигаться вниз в надежде найти центр управления ловушками и там попытаться расшифровать схему путей или хотя бы алгоритм изменения ходов. Не обошлось, к сожалению, без применения силы. Девушка, распалившись, сломя голову кинулась в первый попавшийся туннель, ведущий наверх. Пришлось деликатно перехватывать ее за талию. Впрочем, надо отдать Альмилире должное – брыкалась она не сильно: всего лишь врезала локтем в живот и подсечкой уронила меня на пол. Я-то был настроен только удержать, а не драться с ней, вот и пропустил атаку. Но это, похоже, окончательно отрезвило напарницу, она успокоилась и, поглаживая меня по плечам, забормотала:

– Я не хотела, но ты очень уж нахально пытался меня лапать! Ладно бы хоть нежность проявил, а то, как солдат шлюху, хапнул за талию и поволок в кусты!

Отдышавшись и прокашлявшись, я возмущился:

– Какие кусты?! Где ты их видишь?!

– Ну, в пещеру потемнее... какая разница?

– Да если бы я чего такого хотел, то мне не надо было бы тебя тащить в пещеру потемнее!

Мне здесь и так никто не мешает!

Альмилира печально вздохнула и с надрывом трагическим голосом произнесла:

– Неужели я так страшна ликом и столь уродлива телом, что даже в пустыне, где на много-много километров нет ни одной женщины, единственный мужчина не желает меня домогаться?!

– Альмилира, перестань! Что ты несешь?! Какая пустыня?! Какие домогательства?!

– Я несу свою скорбную участь подобно терпеливому страннику, прокладывающему светлый путь во мраке невежества...

Решив, что ее словесный понос – это реакция на пережитый стресс, я сел на пол и постарался максимально отстраненно, без эмоций, предложить ей еще раз обдумать мои соображения: идти наверх, когда знакомые пути перекрыты, – это целиком положиться на удачу – можно бесконечно долго плутать, но так и не добраться до выхода. Строители лабиринта, скорее всего, сделали все возможное, чтобы не выпустить жертвы из своих когтей, поэтому рассчитывать на детские правила левой или правой руки вряд ли целесообразно. Остается второй и единственный (другого не вижу) путь – вниз. Туда, куда ведет силовая линия и где, возможно, сосредоточено управление всеми ловушками лабиринта. Ясное дело, что это место будет защищено на порядок лучше, чем весь лабиринт, но только там можно будет попытаться расшифровать систему перекрытия туннелей и, соответственно, найти выход на поверхность. Прежние хозяева явно не наобум передвигались по коридорам при любой конфигурации ходов, а уж себе-то наверняка постарались облегчить жизнь. Их патриархи вряд ли могли похвастаться молодой памятью.

Альмилира, обреченно вздохнув, с усталым безразличием оценила мои усилия по спасению ее аппетитной попки из «костляво-каменных объятий лабиринта»:

– А что, твой план выглядит настолько идиотским, что может сработать.

– И что ты в нем видишь идиотского?

– Неужели ты думаешь, будто мастера магии не чета тебе не догадались пойти тем же самым путем? Неужели ты думаешь, будто им в голову не приходила столь «светлая» мысль и они не пытались ее реализовать? Не-е-ет. Старые мастера – это были мастера. Не то что сейчас. И если уж даже им не удалось...

– Ну и где они, эти мастера «не чета мне»? – немного ревниво перебил я.

– Вот и я говорю – где? И где будем мы – мастер-недоучка и подмастерье-алхимик?

– Тогда, может, у тебя есть другие предложения?

– Нет. Других предложений у меня нет. Ты прав, идти наверх – бессмысленно.

– В общем, так, Альмирила. Или ты идешь за мной, или... остаешься здесь. Вдруг кто-нибудь придет на помощь? А может быть, мне удастся найти дорогу, тогда вернусь и вытащу тебя отсюда, но когда это будет... – я пожал плечами.

– Я с тобой. Готова на край света и даже дальше, мой отважный капитан! Приказывай, полковник! Веди меня, мон генераль!

Я терпеливо переждал разгул сарказма в отдельно взятой пещере, удержал двинувшуюся вперед девушку и потребовал пустить меня первым. Альмирила не согласилась. Еще через час споров и криков соглашаться с доводами оппонентки пришлось уже мне. По словам напарницы, чисто механические ловушки тоже могут встретиться, а в них она разбирается не в пример лучше меня. На вопрос: откуда такие умения у девушки-алхимика? – отвечать категорически отказалась.

– Это может быть очень опасно, – сказал я. – Наверняка древние жрецы неизвестного бога хорошо защитили подступы к центру храма.

– Не надо меня грузить тем, что и так ясно.

– Хорошо. В таком случае я настаиваю, – жестко потребовал я (сам от себя не ожидал), – ты идешь сзади меня и выполняешь все, что скажу. Без разговоров.

– С каких это пор ты стал здесь командовать?! – надменно вздернув подбородок, Альмирила резанула меня почему-то злым взглядом, будто я – ее подчиненный, долгое время ведущий подкоп под своего начальника. – Да если хочешь знать, я... – она резко оборвала себя и замолчала.

– Что? – мне и правда было любопытно, кто же она есть на самом деле. А вдруг в запале скажет?

– Ничего! Не твое дело... не важно... в общем, прости...

Жаль. Не проговорила. Но бунт в отряде я просто так спускать не собирался и менторским тоном продолжил (о чем, впрочем, тут же пожалел):

– Даже если ты эльфийка до мозга костей, за исключением неудачных ушей...

Ну, признаю – ляпнул, не подумав. Могла бы в такой обстановке и промолчать. Все мы немного разнервничались и не очень следим за словами. Сама-то она вдруг припомнила моих девушек, хотя, казалось бы, какое ей дело, да еще под землей? Закономерная реакция не замедлила проявиться шипением разъяренной кошки:

– Что ты имеешь против моих ушей?!

Ну и что тут скажешь? Любая красавица с заниженной самооценкой согласилась бы со мной и тихо плакала всю дорогу, а мне пришлось бы вытирать сопли несвежим платком. Сиятельная ньора с завышенной презрительно проигнорировала бы мое замечание и шла бы себе айсбергом по туннелям, намертво вымораживая своим взглядом ловушки. А вот красавица, знающая себе цену, не преминет засчитать мои слова за преднамеренное и хорошо продуманное оскорбление. Боевых действий в тылу мне не нужно, поэтому пришлось всеми силами мокрой тряпкой выкручиваться из неприятной ситуации.

– Ничего, – поспешно попытался я сгладить неудачное высказывание. – Совершенно ничего. Замечательные ушки! Пре-е-естные! Никогда не видел более очаровательных! – между прочим, ни капли не соврал. – Но только ничуть не эльфийские.

– И при чем тут это? – слегка успокоилась Альмирила.

– Ни при чем. Абсолютно. Просто знаменитое эльфийское умение ориентироваться где угодно нам здесь не поможет, да и, насколько мне известно, эльфы в пещерах не живут. У тебя в роду гномов случайно не было?



– Ну, знаешь!! Еще одно слово, и я буду выбираться одна. Ты меня намеренно оскорбляешь?

– А в чем здесь оскорбление? Я не понимаю! Честно. Если вспоминать древние кошачье-собачьи отношения между этими расами, то при чем здесь ты?!

– Х-р-р-р!.. Оставим эту тему!

– Хорошо. Оставим. Я предлагаю дальше двигаться так: я магическим оком осматриваю путь, намечаю точку остановки. Иду вперед, снова осматриваю и так далее. Ты идешь за мной и подсвечиваешь дорогу. Неизвестно, что нам встретится, и мне не хочется вытаскивать тебя из очередной ловушки...

– Я тебе так не нравлюсь?.. – язвительно-кокетливо спросила вдруг Альмилира.

– Альмилира! Давай оставим разбор наших сердечных дел и душевных терзаний до выхода из подземелья. Я всего лишь хотел сказать, что лучше вовремя обнаружить ловушку, чем выкарабкиваться из нее с риском не успеть. Хорошо, что те решетки двигались достаточно медленно. Бывшие хозяева явно сделали тот проход чем-то вроде тамбура перед хранилищем. Есть амулет – пройдешь. Нет – твои молотые кости останутся на полу. Наверняка есть места, где ловушки надо сначала отключить, чтобы пройти. И уж эти-то точно срабатывают мгновенно. И мама не спасет, даже если она летает на метле...

– Что ты знаешь про мою маму?! – снова взвилась девушка, словно прищипоренная кобыла.

– Да какая ж ты подозрительная! Слова не скажи. Знать твою маму не знаю и знать... э-э-э...

– А ну, договаривай, – ласковый тон меня не обманул ни на секунду. Девушка неторопливо приближалась ко мне гибкой грациозной походкой кошки к загнанной в угол мышке. Длиннохвостая серость никуда не убежит, но на всякий случай хищница готова к молниеносному прыжку.

Такую же механику движений демонстрировал в актерской мастерской наш наставник – гоблин, мастер боевых искусств. Точно так же он приближался ко мне в тренировочной схватке, и эта ассоциация заставила меня собраться и приготовиться к бою. Кстати сказать, достать мастера я не смог ни разу, хотя он и говорил, что потенциал у меня очень хороший и бросать тренировки не следует. Да я и не бросал. Очень уж его упражнения способствовали переключению внимания и помогали отрешиться от проблем магического конструирования.

Весь мой опыт (не очень богатый) общения с девушками убеждал меня в том, что Альмилира ведет себя в ситуации смертельной опасности не очень типично для прекрасного пола. Единственная нормальная реакция была сразу после освобождения из ловушки, когда она в слезах припала к моей груди. Но потом она очень быстро взяла себя в руки и как ни в чем не бывало перешла на выяснение отношений. Понятно, что все красотки обожают выяснять отношения там и тогда, где и когда это делать неудобнее всего. Но не здесь же, на самом деле? И не сейчас же? Хотя кто их знает? Может, несколько минут качественного скандала заряжают энергией на весь день и некоторые дамы просто не могут прожить без подобной подпитки?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.